

ЖЕНЩИНА В РАЗВЕДКЕ

Зоя
ВОСКРЕСЕНСКАЯ

ПОД
ПСЕВДОНИМОМ

ИРИНА

Зоя Ивановна Воскресенская
Под псевдонимом Ирина
Серия «Женщины в разведке»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8251418
Под псевдонимом Ирина / Зоя Воскресенская.: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0825-3

Аннотация

Зоя Ивановна Воскресенская 25 лет своей жизни отдала работе во внешней разведке. Дослужившись до полковника, Зоя Ивановна вышла на пенсию и стала писать детские книги. В литературе она прославилась как талантливейшая писательница своего времени. Женщина никогда не скрывала того, что она работала в разведке, но до 1991 года ни строчки не написала о своей службе. «Я не знаю, о чем можно говорить, а о чем ни говорить, ни писать нельзя», – заявляла женщина.

В 1991 году все материалы были рассекречены, и Воскресенская немедленно начала работу над своей последней и главной книгой «Под псевдонимом Ирина». Приключенческий роман-биография тут же стал главным литературным событием года. Из книги вы узнаете не только о работе самой Зои Ивановны, но и о легендарных разведчиках советских и иностранных спецслужб (В.М.Зарубине, П.М.Фитине, П.М.Журавлеве, Г.И.Мордвинове, П.А.Судоплатове и других). Читайте, и вы узнаете, что жизнь иногда бывает ярче любого романа!

Содержание

Предисловие автора	4
Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	29
Глава 3	33
Глава 4	39
Глава 5	42
Глава 6	48
Глава 7	49
Глава 8	54
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Зоя Ивановна Воскресенская

Под псевдонимом Ирина

Предисловие автора

Литературной работой – написанием книг для детей – я занялась, когда мне уже было близко к пятидесяти. Но я ни одной строчки не написала о внешней разведке, которой отдала четверть века жизни. Я была связана подпиской, по существу воинской клятвой, никогда, даже уволившись или уйдя в отставку, не писать о разведке, не предавать гласности методы работы органов ВЧК – КЕБ. И сейчас меня иногда останавливает мысль, что излишняя информация о нашей разведке может повредить моей Родине.

Не случайно, берясь за свою первую книгу, я по привычке в правом верхнем углу страницы напечатала: «Сов. секретно» и смутилась – пишу ведь не докладную записку, не рапорт!!!

В 1956 году я ушла в запас в звании полковника и, сидя у кровати моей обожаемой умирающей мамы, услышала ее шепот: «Дочка, без дела ты не сможешь, возмись за перо, это твое призвание. Пиши...» Я и выполнила ее просьбу.

Теперь, когда многое за давностью лет становится явным, я решила поделиться с читателями некоторыми эпизодами из своей жизни, взяв отрезок времени, непосредственно предшествующий Великой Отечественной войне и охватывающий отдельные стороны моей работы в военные годы.

Мы, первые поколения разведчиков, должны низко поклониться нашим предшественникам, российским революционерам, за науку конспирации, умение находить верных людей, вовремя предвидеть опасность, грозящую извне, способствовать могуществу и безопасности отчизны.

Одним из таких наставников была Александра Михайловна Коллонтай. Жизнь подарила мне возможность длительное время работать под ее началом.

Моим «крестным отцом» в разведке был полковник Иван Андреевич Чичаев, проработавший в ней всю жизнь. Многим я обязана разведчику Кину – моему другу, и мужу полковнику Б. А. Рыбкину. Этим людям и всем нашим «однополчанам» я посвящаю свою книгу.

*Зоя Воскресенская,
Переделкино, 1991 г.*

Часть 1 В грозные дни

Глава 1 На пороге

В семье у нас возникла конфликтная ситуация. Завтра первомайский парад. Я как жена начальника отдела имею право идти вместе с мужем на трибуну «А», но мне – начальнику отделения – положен пропуск на трибуну «Б», рангом ниже. Я же предпочитаю быть лично, а не просто привилегированной женой, поэтому решаю занять свое собственное место. Но по дороге на Красную площадь Борис Аркадьевич уговаривает согласиться на роль жены и отправиться вместе с ним.

– Тем более, – убеждал он меня, – ты же знаешь о тревожном сигнале, гитлеровцы могут устроить провокацию на Красной площади.

– Но на днях мы на совещании пришли к выводу, – заметила я, – что это «деза», геббельсовская флюстер-пропаганда¹ с целью посеять панику, испортить праздник. И потом...

– Да, да, но всякое может быть, а уж если погибать, так вместе.

И ему, как обычно, удалось меня уговорить.

День 1 мая 1941 года солнечный, яркий. Красная площадь. Белый конь командующего парадом и вороной принимающего парад. Молодой звонкий голос командующего: «Поздравляю вас...» Троекратное «ура». Четкий шаг пехоты. Тяжелый гул танков. И в заключение парада аплодисментами и восхищенными возгласами, встреченная гарцующая кавалерия. А затем – бесконечный людской поток демонстрантов, огромные букеты цветов.

Люди вскидывали головы, всматривались в небо, ждали, когда над Красной площадью пронесутся самолеты.

Наша авиация так и не объявилась. Ее участие в параде было отменено.

На второй день праздника я пришла на работу и заметила нечто любопытное. Каждый, кто был на трибуне, «отмечен» загаром на правой щеке – солнце со стороны Василия Блаженного жгло нещадно...

Только у начальника отдела – у Павла Матвеевича Журавлева – правая щека не покраснела. Даже бледнее обычного.

– Павел Матвеевич, почему я вас не видела на трибуне и почему вы без загара?

– Загорал на работе, – указал он на гору папок. – Сидел за нашей аналитической докладной запиской.

Вот о ней и пойдет разговор.

Нашей специализированной группе было поручено проанализировать информацию всей зарубежной резидентуры, касающейся военных планов гитлеровского командования, и подготовить докладную записку. Для этого мы отбирали материалы из наиболее достоверных источников, проверяли надежность каждого агента, дававшего информацию о подготовке гитлеровской Германии к нападению на Советский Союз.

Из надежных источников нам стали известны зловещие планы Гитлера. Среди наших агентов, действовавших в разных странах, были люди самоотверженные, беспредельно преданные и активно помогавшие нам.

¹ «Деза» – дезинформация, распространение заведомо ложных сведений. *Флюстерпропаганда* – нашептывание слухов.

Одним из таких источников была группа, возглавляемая Старшиной – Харро Шульце-Бойзен.

СПРАВКА

«Красная капелла» – группа легендарных немецких антифашистов, всему миру известных под этим названием, родившимся в недрах Главного имперского управления гитлеровской Германии.

Руководителями этой организации, которая впоследствии установила (в конце 30-х годов) связь с советской внешней разведкой, были Арвид Харнак под псевдонимом Корсиканец, дело № 34118 в архиве Службы внешней разведки, и Харро Шульце-Бойзен под псевдонимом Старшина, дело № 34122.

...Арвид Харнак (в документах разведки – Гарнак), 1901 года рождения, сын известного ученого, получил высшее образование в Германии и США, доктор юридических и философских наук, доцент Гессенского университета, руководящий сотрудник министерства экономики.

Женат на американке немецкого происхождения Милдред, урожденной Фиш. Супруга Харнака руководила кружком по изучению трудов Маркса, Ленина, Троцкого, возглавляла колонию американских женщин в Берлине. Доктор филологических наук, она переводила классиков немецкой литературы на английский язык.

В 1930 году Харнак примкнул к Союзу работников умственного труда, объединявшего широкие круги немецкой интеллигенции, и скоро вошел в состав его правления. Союз был образован по инициативе компартии Германии с целью оказывать влияние на круги немецких интеллектуалов и пропагандировать свои взгляды в легальной форме. Союз сохранился и после прихода Гитлера к власти. Влияние Харнака в нем усилилось, что объяснялось его морально-деловыми качествами и умением находить общий язык с самыми разными людьми. В 1932 году Харнак занял пост генерального секретаря созданного при его активном участии Общества по изучению советского планового хозяйства – АРГТЛАН. Председателем АРПЛАНа был профессор Йенского университета Фридрих Ленц, придерживавшийся левых взглядов. После прихода фашистов к власти Ленц эмигрировал в США. Харнак неофициально состоял в компартии Германии, как это было распространено в то время.

Обер-лейтенант Харро Шульце-Бойзен – внучатый племянник адмирала Тирпица, женат на родственнице князя Оленбурга Либертас Хас-Хейе. Студентом издавал журнал «Дер гегнер» («Противник»), носивший антиправительственный характер. Журнал был закрыт. Шульце-Бойзен арестован на короткое время. Молодой аристократ поддерживал связь с КПП, однако по рекомендации Харнака (с ним он познакомился в 1935 году) ее прекратил, тем не менее продолжал помогать партии в печатании и распространении антифашистской литературы.

Шульце-Бойзен служил референтом в министерстве авиации, затем по личной рекомендации Геринга в штабе ВВС был вхож в партийные круги НСДАП (читал лекции для высших функционеров), собирая вокруг себя единомышленников.

Курт Шумахер. Выходец из трудовой семьи, Шумахер был резчиком по дереву, скульптором. Его жена Элизабет – антифашистка по своим убеждениям, член КПП, была помощницей мужу в его борьбе. Мастерская Шумахера стала убежищем для скрывающихся антифашистов. Так, по просьбе Старшины Шумахер нелегально переправил некоторых социал-демократов в Швейцарию.

К началу второй мировой войны «Красная капелла» насчитывала, по разным данным, от 25 до 600 человек, в основном из числа интеллигенции: писателей, артистов, художников, скульпторов, режиссеров, а также военных, студентов и рабочих.

С началом войны радиосвязь с «Красной капеллой» не удалось поддерживать из-за слабости радиопортативной станции, которая могла работать только на батарейках непрерывно всего около двух часов, после чего требовалась их смена или перезарядка. К тому же радиус действия этой радиостанции составлял всего 800-1000 километров.

В декабре 1941 года была предпринята попытка наладить потерянную связь с руководителями «Красной капеллы». Резидент в Лондоне получил указание подготовить к заброске на континент двух связных с шифром, аппаратурой и условиями связи. Но эта попытка не удалась.

Вторая попытка была предпринята через Стокгольм. 23 января 1942 года резидент Борис Рыбкин получил задание найти нужного человека для заброски в Берлин. Это удалось сделать лишь в июне того же 1942 года, и в Берлин был направлен связной по кличке Адам. Были предприняты и другие попытки, но также безуспешно, поскольку Харнака, Шульце-Бойзена и многих других членов «Красной капеллы» осенью 1942 года арестовали и казнили.

Много позднее, после окончания Великой Отечественной войны они посмертно были награждены советскими орденами.

ИЗ АРХИВА ИГУ²

Гарнак Арвид (Балтиец)³ родился в 1901 году в Дармштадте (Германия), по национальности немец. Женат на американке. Происходит из старинной и известной в Германии семьи прибалтийских немцев. Именем его дяди, известного теолога, названо учебное заведение Гарпак-Хаус.

После заключения мирного договора между Германией и союзниками 19 лет от роду он начал свою политическую карьеру с участия в белогвардейских добровольческих отрядах в Силезии. После подавления революционного движения в Германии совершается его постепенное сближение с социал-демократами.

Во время своего пребывания в Америке (1922–1924) Балтиец знакомится с рабочим движением ближе, и это знакомство, по его словам, оформило его взгляды как коммуниста. Примерно в 1930 году он был привлечен к работе в Bund Geistlicher Berufe Союза работников умственного труда, созданном компартией Германии, и входил в комитет этого союза, состоя неофициально в партии, как это тогда довольно широко было распространено.

Одним из членов этого комитета вместе с Балтийцем был старый член ГКП Магульский, находящийся сейчас в эмиграции в Америке.

В 1932 году, будучи приват-доцентом Гессенского университета, Балтиец через профессора Ленца (примыкавшего к германской компартии) познакомился с бывшим консулом СССР в Кенигсберге – Гиршфельдом Александром (сейчас – научный сотрудник Института истории Академии наук в Москве) – связанным в то время с нашей резидентурой в Берлине. Гиршфельд в течение нескольких лет поддерживал Балтийца материально за счет ВОКСа, будучи убежденным в том, что он может быть нам полезен.

В 1932 году Балтиец работал в обществе по изучению советского планового хозяйства, где впоследствии был генеральным секретарем.

В 1932 году Балтиец приезжал в Советский Союз с делегацией АРПЛАНа (немецкая организация по изучению советского хозяйства).

После прихода к власти Гитлера Гиршфельд по указанию резидентуры посоветовал Балтийцу вступить в национал-социалистский союз юристов и в фашистскую партию, продолжая поддерживать его материально.

² ИГУ – Первое главное управление КГБ.

³ Старый псевдоним Арvida Гарнака (Корсиканца).

В 1935 году Балтиец был завербован через Гиршфельда.

В это время Балтиец работал в качестве чиновника германского министерства хозяйства и по своему служебному положению имел доступ к интересным материалам (торговые договоры Германии, состояние финансового хозяйства Германии и т. д.).

После вербовки Гиршфельд два раза встретился с Балтийцем и получил от него сведения о состоянии хозяйственных взаимоотношений Германии с Америкой.

В связи с отъездом ГИРШФЕЛЬДА из Германии с Балтийцем связался бывший сотрудник ИНО т. Белкин (сейчас в Москве в Радиокomitee), а затем А. Агаянц (умер в 1939 году в Берлине).

За время работы с нами Балтиец передавал нам подлинные торговые соглашения – секретного характера, материалы по валютному хозяйству Германии, о финансировании немецких разведывательных организаций, а также и политические информации.

Кроме того, Шахт поручил Балтийцу составление конспектов для своих выступлений по хозяйственно-финансовым вопросам в партийных и правительственных инстанциях.

Балтиец и его жена часто бывали в американском посольстве в Берлине, особенно в бытность послом США в Берлине Додда.

В настоящее время Балтиец продолжает работать в министерстве хозяйства в качестве референта-экономиста в отделе торговых договоров и политики.

Связь с Балтийцем возобновлена в 1940 году (сентябрь) через тов. Короткова (зам. нач. 1 отд-ния 5 отдела) и вновь законсервирована также в сентябре 1940 года.

Из связей Балтийца, могущих быть использованными им для получения информации, необходимо отметить:

1. Промышленник Тициен. С ним Балтиец познакомился в 1930–1931 годах в Союзе работников умственного труда, созданном германской компартией для работы среди симпатизирующей ГКП немецкой интеллигенции.

Тициен – в настоящее время является генеральным директором одной из крупнейших немецких обувных фирм «Лейзер», Происходит из в прошлом очень богатой, петербургской семьи. Эмигрировал во время революции за границу, был офицером в белой армии, затем осел в Германии, где с ним совершилось, по словам Балтийца, преобразование от богача и белого офицера к человеку, симпатизирующему коммунистам. К Тициену в кругах ГКП относились сначала с недоверием, однако потом, когда до 1933 года и в особенности после, не было ни одного провала, бросающего какую-либо тень на него, он считался надежным. В качестве примера Балтиец приводит то обстоятельство, что Тициен, зная как активного коммуниста Матульского, мог бы его выдать в то время, но ему, при содействии жены Балтийца, удалось получить въездную американскую визу и уехать.

2. Вторым приближенным Балтийца человеком является Рупп – ведущий экономист И. 1. Фарбен, Его история связи с Балтийцем примерно такая же, т. е. тоже через Союз умственного труда, с той лишь разницей, что Балтиец характеризует Руппа как человека с пролетарским прошлым.

3. Третий – Фрейхерр Вольцоген – Кейгаус, работающий в настоящее время референтом в научно-техническом отделе управления хозяйства и вооружения Верховного командования. Происходит из знатной фамилии прибалтийских немцев.

Вольцоген по характеристике Балтийца – мягкий и податливый человек. Познакомился он с ним через проф. Ленца, который одно время примыкал к коммунистам. Сблизившись с Вольцогеном, Балтиец обработал его и считает за человека, искренне симпатизирующего коммунистам. Балтиец (по своей инициативе) недавно (1940 год) поставил перед ним вопрос о потерях немецкой авиации, тот безропотно обещал это сделать, зная, что Балтиец примыкает к ГКП и продолжает оставаться коммунистом по настроениям.

4. Четвертый, приближенный к Балтийцу человек, – его племянник Гавеман Вольфганг, работающий сейчас в Главном командовании военно-морского флота, в морской радиоразведке. Балтиец в течение долгого времени обрабатывал Гавемана в коммунистическом духе, давал ему до 1933 года читать Ленина и т. д.

Гавеман хорошо знает о том, что собой представляет Балтиец в политическом отношении, и несмотря на это, и после прихода Гитлера к власти остался с ним в прежних дружественных отношениях.

Помимо указанных связей Балтиец имеет, по его словам, еще двух двоих близких друзей, которых он характеризует как абсолютно надежных и преданных коммунистов. Оба они происходят из рабочих: один работает в промышленности, другой окончил курсы иностранных языков, и Балтиец имел намерение, устроить его через свои связи на работу переводчиком в Верховное командование армии.

От Гиршеляда известно, что родственниками Балтийца является семья известного военного историка Ганса Аслограна, сын которого, молодой физик, очень способный, по имеющимся у нас сведениям, притеснялся наци из-за своих левых взглядов.

Кроме того, Балтиец является членом немецкого клуба «Берлин» (в прошлом клуб господ), созданного немецкой аристократией и крупными промышленниками, где он имеет возможность встречаться со всей верхушкой берлинского общества.

По словам Балтийца, он занимает весьма прочное положение в министерстве хозяйства, получил чин правительственного советника, который обычно редко дается в министерстве, пользуется доверием, приглашается на различные секретные совещания, в том числе бывал на заседаниях Комитета экономической войны.

Жена Балтийца в курсе связей и работы Балтийца, сама вела работу для ГКП и в 1933 или 1934 году вторично с подвесной визой ездила в Москву для переговоров с г. Куусиненом, который по рекомендации немецких партийцев имел намерение использовать ее для коминтерновской работы в Финляндии (поскольку она наряду с немецким имеет еще американский паспорт).

В настоящее время жена Балтийца возглавляет «Союз женщин-американок» и числится в американском посольстве как американская гражданка.

Верно:

ЗАМ. НАЧ. 5 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД СССР

Майор госбезопасности

«14» декабря 1940 г. (Судоплатов)

* * *

Захар из Берлина относительно подготовлявшейся акции против Гитлера сообщает дополнительно, что фамилия лейпцигского обер-бургомистра, возглавлявшего католическую акцию, – Герделер Карл Фридрих. Он был одно время имперским комиссаром цен, в настоящее время не у дел. Его биографию можно найти в «Фюрер лексикон».

Родственник Корсиканца, который вел с ним переговоры по этому поводу, носит ту же фамилию, что и Корсиканец, имя его Эрнст, является двоюродным братом Корсиканца. В прошлом бывший правительственный президент одной из провинций Германии, состоял в соц. – демократич. партии, был отстранен от должности Гитлером, в настоящее время занимается торговлей.

Эрнст знает об отношении Корсиканца к Шахту и в начале 1940 года обратился к Корсиканцу с вопросами о взглядах и позиции Шахта к гитлеровскому режиму, а также просил выяснить, как будет реагировать Шахт на предложение участвовать в организации нового правительства, целью которого будет соглашение с Англией и Америкой. Корсиканец так-

тично отказался от этой миссии, не желая раскрывать перед Эрнстом своих действительных мировоззрений.

Корсиканцу поручили поговорить с братом в общих чертах. Состав группы, данные о людях и примерную схему Захар сообщит почтой. 26.IV.41 г. № ЭЗ

Верно:

Ст. оперулолномоч. Г отделения 5 отдела мл. лейтенант госбезопасности (Рыбкина)

ПИСЬМО № 46

от 5/IV 1941 г. тов. Захару. Берлин

S 1 и. 46 от 5.4.41 г.

О Старшине и Корсиканце

1. За последнее время мы буквально со всех сторон получаем агентурные сообщения о готовящейся германской акции. Эти сведения во многом, даже в сроках совпадают с данными Старшины и Корсиканца, причем при сопоставлении их оказалось, что все они идут из германских округов или с территорий, оккупированных Германией.

Вместе с тем в американской и английской прессе в последнее время настойчиво и упорно предсказывают вторжение германских войск в Сов. Союз, оккупацию немцами Украины, «дешевую и молниеносную войну, которая вознаградит всех немцев», и т. д.

Такие статьи были помещены в мартовских номерах газет «Чикаго дейли ньюс», «Нью-Йорк геральд трибюн» и в «Нью-Йорк таймс». В английской газете «Дейли экспресс» во второй половине марта была помещена статья, в которой говорится о «секретной подготовке» Германией войны против СССР, о создании «антибольшевистского генштаба» в Кракове, о концентрации военных сил под Краковом, которые предназначаются для нанесения главного удара против СССР, и т. д.

Такое обилие агентурных сведений о «секретной подготовке» Германией этой акции, оживленная дискуссия этого вопроса в англо-американской печати наводит на мысль, не имеет ли здесь место широко задуманная инспирация или

а) самих немцев с целью оказать таким образом давление на СССР и получить уступки по какому-либо вопросу, или

б) англо-американского блока с целью добиться трещины в советско-германских отношениях и переадресовать германскую агрессию на Сов. Союз.

Весьма возможно, что здесь переплетаются оба явления.

При этом агентура может являться простым рупором этих слухов, которые специально инспирируются как той, так и другой стороной.

Однако эти предположения отнюдь не должны демобилизовать нашу бдительность к этому вопросу. Наоборот, Вам нужно тщательно фиксировать и сообщать немедленно нам все сведения, получаемые Вами от агентуры по этому вопросу. Старайтесь как можно точнее передавать изложение этого вопроса агентом и выяснять первоисточник этих сведений.

Старайтесь по возможности сразу же на месте предпринимать проверку агентурных сведений, не дожидаясь наших указаний по этому вопросу, например, вопрос о прекращении частных перевозок по жел. дорогам, о концентрации войск в том или ином районе и др., что Вы можете проверить собственными силами или через агентуру.

Работу со Старшиной следует максимально активизировать. Из Ваших сообщений видно, что Старшина отлично понимает, кому и для чего нужны его сведения. Ему следует объяснить, насколько важно нам иметь по этим вопросам документальные материалы или хотя бы копии их.

Между прочим, в одном из сообщений Старшина указывает, что немцы готовят планы бомбардировок против Выборга и Ленинграда с одной стороны, против Киева и Яссы с другой.

В следующем сообщении Старшина говорит, что немцы готовятся подвергнуть бомбардировке Киев, Яссы и другие города Советской Украины. Между тем известно, что Яссы – румынский город. Такое невежество со стороны Старшины, который специально занимается этим делом, выглядит странно.

2. Активизация работы со Старшиной никоим образом не должна отражаться на работе с Корсиканцем.

Нужно добиться регулярного получения от него материалов его ведомства, главным образом, о потенциале экономических ресурсов Германии, о торговых договорах с другими странами, о положении валютного рынка и т. д., о чем мы уже неоднократно указывали.

Вместе с тем поговорите с Корсиканцем, кого из его близких людей можно также непосредственно переключить на связь с нами. В первую очередь обсудите вопрос о Греке, Итальянце и Кузене. Нас также интересует дальнейшее изучение Лебера (в будущем Брэм) и Головы. Определите, наконец, кто такой Икс, почему Корсиканец упорно не называет его имени.

ПИСЬМО № 48

18 апреля 1941 г.

Берлин. Захару

§ 1. Ваше письмо № 6 от 7/IV 41 г. со всеми приложениями получено

§ 2 п. № 48 от 18.IV.41 г.

По делу «Корсиканец»

1. Мы запрашивали тов. Д. о всех людях из группы Корсиканца и получили ответ, что Корсиканец им известен как коммунист, состоявший негласно в КПГ. По имеющимся у них сведениям, Корсиканец в 1936 году был в Париже и пытался наладить связь с членами компартии. При случае выясните у него, так ли это.

Об Албанце известно, что он активно работал в Союзе работников умственного труда, причем т. Д. опрашивал по этому поводу Лукача, который охарактеризовал Албанца как «сумасшедшего интеллигента».

Старик характеризуется следующим образом: «Был известным режиссером и писателем. По мотивам общего кризиса буржуазной культуры (который он сильно переживал) приблизился к Союзу работников умственного труда. Был человеком, который старался честно и правдиво уяснить себе ряд жизненных и общественных вопросов».

Другие люди отделу кадров, секции и тов. Д. неизвестны.

2. Считаем необходимым группу Корсиканца ограничить пока в составе Старшины и Лучистого с последующим введением в нее Итальянца, а возможно, и Икса, если Корсиканец берется обработать их для нас. Итальянец и Икс являются родственниками Корсиканца, поэтому непосредственная его связь с ними не может вызвать большого внимания и подозрения со стороны полицейских органов.

Новую агентуру вводить в группу Корсиканца не следует, так как каждый новый человек будет увеличивать риск провала всей группы.

Что касается Старика, то Корсиканец должен только свести Вас с ним, после чего сразу же взять курс на отрыв Старика от Корсиканца.

Нужно сделать так, чтобы Корсиканец сам объяснил Старику необходимость в целях конспирации прекратить их личную связь, а также прекратить всякую партийную работу.

В процессе Ваших разговоров со Стариком определите, имеется ли возможность установить через него контакт с группой Головы и целесообразно ли использовать Старика исключительно по линии разработки монархических антигитлеровских группировок.

3. Поговорите с Корсиканцем и с каждым членом группы в отдельности о необходимости строжайшей конспирации.

Мы опасаемся, что эта группа интеллигентов, не прошедшая основательной школы подпольной работы, может пренебрегать конспирацией. Объясните им необходимость совершенно прекратить связь с лицами, в чем-либо скомпрометированными перед режимом. Особенно это касается Старика и Лучистого.

Укажите, что современная обстановка требует, чтобы их партийная и политическая работа приняла сейчас другие формы, что их отрыв от «масс» будет компенсироваться не менее важной и ответственной работой на другом фронте, что это не будет считаться отрывом от партийной работы и т. д. и, наконец, что этот вопрос согласован с соответствующими инстанциями.

4. Сообщение Корсиканца о расшифровке немцами телеграммы туркпосла в Москве о разговоре т. В. с Крипсом – правильно.

Из многих источников мы получали информацию о том, что гитлеровцы вот-вот развяжут войну. Даты начала военных действий фашистской Германией назывались разные, но все сходились в одном: война против Советского Союза начнется в самое ближайшее время.

ИЗ АРХИВОВ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ.

СОВ. СЕКРЕТНО

КАЛЕНДАРЬ

сообщений Корсиканца и Старшины

Дата	Источник	Содержание материала
IX. 1940 г.	Корсиканец	Со слов генерального директора фирмы «Лейзер» Тициена. Офицер Верховного командования немецкой армии рассказал Тициену, что в начале будущего года Германия начнет войну против Советского Союза. Предварительным шагом будет военная оккупация Румынии, намеченная на ближайшее время.
X. 1940 г.	Корсиканец	1. В армии запрещена и изъята вся русская литература, даже такая, как Толстой Л. Н. и Достоевский. 2. Геринг две недели тому назад дал указание о прекращении поставок в СССР и только дней пять тому назад под нажимом фирм, требующих сырье, согласился на продолжение поставок.
I. 1941 г.	Корсиканец	1. В кругах, группирующихся во круг «Херрен-клуба», нарастает мнение» что Германия проиграет войну и в связи с этим нужно договориться с Англией и Америкой с тем, чтобы повернуть оружие на восток. 2. В штабе авиации Германии дано распоряжение начать в широком масштабе разведывательные полеты над советской территорией с целью фотосъемки всей пограничной полосы, В сферу разведывательных полетов включается также и Ленинград. 3. Позиция Геринга все больше и больше склоняется к заключению соглашения с Америкой и Англией. 4. Геринг дал распоряжение о переводе «русского реферата» министерства авиации в так наз. активную часть штаба авиации, разрабатывающую и подготовляющую военные операции.

I. 1941 г.	Корсиканец	Военно-хозяйственный отдел имперского статистического управления получил от Верховного командования вооруженных сил (ОК) распоряжение о составлении карт промышленности СССР.
	Корсиканец со слов Старшины	1. Штаб авиации решил начать в марте месяце Балканскую акцию. О решении Гитлера в этом вопросе неизвестна За последние три недели немецкие войска перебрасываются в Болгарию. III. 1941 г.
II. 1941 г	Корсиканец со слов сотрудника ОК	Предстоит немецкое выступление Бляу на Балканах, которое уже подготовлено. В связи с Балканской акцией, отношения между Германией и Советским Союзом обострятся.
III. 1941	Корсиканец со слов чиновника комитета по 4-летнему плану — Доннер Отто	Комитет закончил составление расчетов об экономическом эффекте антисоветской акции с отрицательными выводами. По мнению Корсиканца, распоряжения о разработке расчетов исходят не от военного командования, а от Риббентропа или даже Гитлера. Составление всех расчетов должно быть закончено к 1 мая.
	Корсиканец со слов референта Всегерманской хоз. Палаты — Зольмса	Реальность антисоветских планов серьезно обсуждается в руководящих немецких инстанциях, подтверждением является концентрация германских войск на восточной границе. Построение и расположение германских войск на Советской границе аналогично построению немецкой армии, подготовленной в свое время для вторжения в Голландию.
III. 1941 г	Корсиканец со слов Старшины	1. Операции германской авиации по аэрофотосъемкам советской территории проводятся полным ходом. Немецкие самолеты действуют с аэродромов в Бухаресте, Кенигсберге и из Северной Норвегии — Киркинес. Съемки производятся с высоты 6000 метров. В частности, немцами заснят Кронштадт. 2. Геринг является главной движущей силой в разработке и подготовке действий против Советского Союза.

	Корсиканец со слов Цехлина, журналиста, профессора высшей политической школы в Берлине	1. Решен вопрос о военном выступлении против Советского Союза весной этого года с расчетом на то, что русские не смогут поджечь при отступлении еще зеленый хлеб и немцы воспользуются этим урожаем. 2. Цехлину от двух германских генерал-фельдмаршалов известно, что выступление намечено на 1 мая
	Корсиканец со слов Рупп, экономиста химического концерна «Фарминдустрия»	Военное выступление Германии против СССР является уже решенным вопросом.
	Со слов Лянгелитке, зам. Института по военно-хозяйственной статистике	По мнению германского штаба, Красная Армия будет в состоянии оказывать сопротивление только в течение первых 8 дней, после чего будет разгромлена. Оккупацией Украины немцы предполагают лишить Советский Союз его основной промышленной базы. Затем немцы продвигнутся на восток и отторгнут Кавказ от Советского Союза. Урал, по их расчетам, может быть достигнут в течение 25 дней. Нападение на Советский Союз диктуется соображениями военного преимущества Германии над СССР в настоящее время.
	Корсиканец со слов Лянгелитке	Работы по вычислению экономической эффективности антисоветской акции продолжаются. Особое внимание уделяется вопросу о мощности нефтяных промыслов в Галиции.
	Корсиканец со слов Доннер Отто	Нейман (из комитета по 4-летнему плану) подписал докладную записку для Геринга, содержащую отрицательные выводы об экономической эффективности оккупации Украины. В Бельгии, помимо оккупационных войск, находится только одна активная дивизия, что является подтверждением, что военные действия против Британских островов отложены. Немецкие войска концентрируются на востоке и юго-востоке.

	Корсиканец со слов Зольмса	Подготовка удара против СССР стала для принца Зольмса очевидностью. Об этом свидетельствует расположение сконцентрированных на границе Советского Союза немецких войск. Немцев очень интересует железная дорога Львов — Одесса, имеющая западноевропейскую колею.
III. 1941 г	Корсиканец со слов Старшины	1. Германский штаб авиации ведет интенсивную подготовку против СССР. Составляются планы бомбардировки важнейших объектов. Разработан план бомбардировки Ленинграда, Выборга, Киева. В штаб авиации регулярно поступают фотоснимки городов и промышленных объектов. Германский авиационный атташе в Москве выясняет расположение советских электростанций, лично объезжает на машине районы расположения электростанций. 2. В генеральном штабе авиации среди офицеров существует мнение, что военное выступление Германии против СССР назначено на конец апреля или начало мая. Старшина при этом считает, что имеется лишь 50% шансов за то, что это выступление произойдет, все это вообще может оказаться блефом.
	Старшина из наблюдения в штабе авиации	Немецкое командование ведет подготовку клещеобразного удара с юга — из Румынии, с одной стороны, и через Прибалтику, а возможно, через Финляндию, с другой. Этот маневр будет предпринят с тем, чтобы отрезать Красную Армию, как это было сделано в свое время во Франции. К востоку, недалеко от Кракова, сосредоточены крупные авиасоединения, также на востоке создан новый авиационный корпус.

	Корсиканец со слов Старшины из документов, прошедших через его руки	1. Штаб германской авиации полностью разработал план нападения на Советский Союз. Авиация концентрирует свой удар на железнодорожные узловые пункты центральной и западной части СССР, электростанции Донецкого бассейна, предприятия авиационной промышленности г. Москвы. Авиационные базы под Краковом являются основным исходным пунктом для нападения на СССР. Созданы две армейские группы, которые намечены для операция против СССР. 2. Геринг занимает явный курс на войну против СССР, и для него нежелательны сообщения, указывающие на рискованность и нецелесообразность этой авантюры. Геринг на последней встрече с Антонеску потребовал 20 дивизий для участия в антисоветской акции. В Румынии немецкие войска сконцентрированы на советской границе. 3. Немцы считают слабым местом обороны СССР наземную службу авиации и поэтому надеются путем интенсивной бомбардировки аэродромов сразу же дезорганизовать ее действия. Вторым несовершенным звеном обороны считают службу связи авиации в Красной Армии в силу тяжеловесности, излишнего радирования и сложности ключей.
	Корсиканец со слов Цехлина	Референт Розенберга СССР — Лебрандт заявил Цехлину, что вопрос о вооруженном нападении СССР решен. 10 апреля будет опубликовано распоряжение о прекращении частных поставок по железным дорогам. Антисоветская кампания начнется 15 апреля. Прекращаются транзитные перевозки через СССР германского импорта.

	Корсиканец со слов Старшины	Воздушный штаб подготавливает нападение на Югославию, которое должно последовать в ближайшее время. Для этого штаб авиации с русского вопроса временно переключился на Югославию, этим самым вызывается опасение, что момент акции против СССР может быть упущен.
IV. 1941 г.	Корсиканец	Немцы эвакуировали Мемель. Познань и города Силезии объявлены зонами военной опасности первой очереди. Из генерал-губернаторства заканчивается эвакуация женщин и детей.
IV. 1941 г.	Старшина со слов офицера связи Геринга, Грегора	Германией военная подготовка проводится нарочито заметно в целях демонстрации своего военного могущества. Гитлер является инициатором плана нападения на Советский Союз, считая, что предупредительная война с Союзом необходима, ввиду того чтобы не оказаться перед лицом более сильного противника. Началу военных действий должен предшествовать ультиматум Советскому Союзу с предложением о присоединении к пакту трех. Начало осуществления плана увязывается с окончанием войны с Югославией и Грецией.
	Старшина со слов штаба авиации Хольцхаузен из наблюдения в МИДе и других влиятельных кругах Германии	Тотальная война Германии против Англии и США не может быть выиграна, и поэтому необходимо заключение мира с ними. Чтобы сделать Англию более сговорчивой, необходимо отторгнуть Украину от Советского Союза. Захват Украины принудит Англию пойти на уступки. В случае необходимости возможно заключение мира с Англией, даже ценой принесения в жертву нацизма, а при неудаче в войне с СССР и самого Гитлера, чтобы «устранить» препятствие к объединению цивилизованного мира против большевизма. Япония и Италия якобы не посвящены в эти антисоветские планы.

IV. 1941 г.	Старшина из наблюдения в штабе авиации	1. В связи с успешным продвижением немецких войск в Ливии, африканские победы стоят в центре внимания. Настроение кругов, ратующих за нападение на Советский Союз несколько утихло, т. к. они получили новые надежды выиграть войну с Англией. Однако генеральный штаб с прежней интенсивностью проводит подготовительные работы для операции против СССР, выражающиеся в детальном определении объектов бомбардировок. 2. В генштабе сухопутной армии часть генералитета, по его мнению, является зачинщиками и приверженцами антисоветской акции. К последним относится также Браухич. Племянник Браухича оберлейтенант армии сказал, что пора кончить борьбу между народами Европы, а надо объединить усилия против Советского Союза. Подобные идеи исходят от Браухича и заимствованы у него его молодым родственником. 3. Основной фигурой, движущей антисоветские планы немецкой военщины и части буржуазии, является Геринг. В противовес этому Риббентроп является противником этих планов. Разногласия между Герингом и Риббентропом зашли так далеко, что переросли в личную неприязнь между ними.
IV. 1941 г.	Старшина из документов, проходящих через его руки	Немецкая разведка постановила, что производство артиллерийской амуниции в основном сосредоточено в районе Ленинграда.
	Корсиканец со слов Старшины	В настоящее время генштаб авиации почти полностью прекратил разработку русских объектов и интенсивно ведет подготовительную работу для акции, направленной против Турции, Сирии и Ирака, в первую очередь против первой. Акция против СССР, кажется, отодвинута на задний план, в генштаб больше не поступают фотоснимки советской территории, сделанные с немецких самолетов.

IV. 1941 г.	Старшина со слов офицера связи Геринга, Грегора	Вопрос о выступлении Германии против Советского Союза решен окончательно, и начало его следует ожидать со дня на день. Риббентроп, который до сих пор не являлся сторонником выступления против СССР, зная твердую решимость Гитлера в этом вопросе, занял позицию сторонников нападения на СССР.
	Старшина со слов референта по русским делам при внешнеполитическом отделе Лейбрандта. Старшина из документов	1. Подтверждается сообщение Грегора, что вопрос о выступлении против Советского Союза считается решенным. 2. В штабе авиации возросла активность сотрудничества между германским и финским генеральными штабами по разработке оперативных планов против СССР. 3. Румынский, венгерский и болгарский штабы обратились к немцам с просьбой о срочной доставке противотанковой и зенитной артиллерии, необходимой им в случае войны с Советским Союзом.
	Корсиканец	На совещании ответственных референтов Мин. хозяйства референт прессы Кроль в докладе заявил: «От СССР будет потребовано выступление против Англии на стороне держав оси. В качестве гарантии будет оккупирована Украина, а возможно, и Прибалтика».
	Старшина	29 апреля Гитлер в своей речи перед офицерами-выпускниками заявил: «В ближайшее время произойдут события, которые многим покажутся непонятными. Однако мероприятия, которые мы намечаем, являются государственной необходимостью, так как красная чернь поднимает голову над Европой».
V. 1941 г.	Старшина	Необходимо серьезно предупредить Москву о всех данных, указывающих на то, что вопрос о нападении на Советский Союз является решенным, выступление намечено на ближайшее время и немцы для этой акции ставят на карту «фашизм или социализм», естественно, подготавливают максимум возможных сил и средств.

V. 1941 г.	Старшина	1. В штабе германской авиации подготовка операции против СССР проводится самым усиленным темпом. Все данные говорят о том, что выступление намечено на ближайшее время. В разговорах среди офицеров штаба часто называется 20 мая как дата начала войны. Другие полагают, что выступление намечено на июнь. Вначале Германия предъявит Советскому Союзу ультиматум с требованием более широкого экспорта в Германию и отказа от коммунистической пропаганды. В качестве гарантии этих требований в промышленные и хозяйственные центры и предприятия Украины должны быть посланы немецкие комиссары, а некоторые украинские области должны быть оккупированы немецкой армией. Предъявлению ультиматума будет предшествовать «война нервов» в целях деморализации Советского Союза. В последнее время подготовку войны с СССР немцы стараются сохранить в полном секрете. Соответствующие меры принимаются в этом направлении и германскими представителями в Москве. 2. Несмотря на ноту советского правительства, германские самолеты продолжают полеты на советскую сторону с целью аэрофотосъемки. Теперь фотографирование происходит с высоты 11 тысяч метров, а сами полеты производятся с большой осторожностью. 3. Недавно Антонеску направил меморандум Гитлеру и Герингу, в котором доказывает необходимость нападения Германии на СССР весной этого года. В качестве доводов указывается, что Германии необходимо обеспечить за собой сырьевую и продовольственную базу, каковой является Украина.
------------	----------	--

V. 1941 г.	Старшина из документов	Флот № I германской авиации предназначен для действий против СССР в качестве основной единицы. Находится он пока еще на бумаге, за исключением соединений ночных истребителей, противозенитной артиллерии и отрядов, тренирующихся специально в бреющих полетах. Однако это не значит, что он не готов к выступлению, т. к. по плану все налицо, организация подготовлена, самолеты могут быть переброшены в кратчайший срок. До сего времени центром расположения 1-го воздушного флота был Берлин. Сейчас центр перенесен в Кенигсберг, но место его нахождения тщательно конспирируется. Количество самолетов 1-го флота по планам неизвестно. Известно, что во флоте имеется три эскадрильи истребителей.
V. 1941 г.	Старшина из документов	1. Планы в отношении нападения на Советский Союз откладываются, немецкими руководящими инстанциями предпринимаются меры для сохранения их последующей разработки в полной тайне. 2. Немецким военным атташе за границей, а также послам дано указание опровергать слухи о военном столкновении между Германией и СССР. 3. В поступающих из Финляндии и Швеции докладах постоянно указывается, что шведские промышленные круги, особенно заинтересованные в заказах, все время оказывают на шведскую и финскую политику влияние в пользу сохранения мира с Советским Союзом. 4. В штабе авиации опубликован приказ Верховного командования вооруженными силами, датированный 7 мая. В приказе говорится, что германские стратегические планы и предварительные разведывательные мероприятия стали известны врагу. Старшина этот приказ связывает с разведывательными полетами немецких самолетов над советской территорией и нотой советского правительства.

	Корсиканец	В министерстве хозяйства Верховного командования многое связывается с антисоветскими планами Германии, которые стали известны русским.
	Старшина	1. Затормаживание выполнения антисоветских планов Германии в штабе авиации объясняют трудностями и потерями в войне с англичанами на африканском фронте и на море. Круги авторитетного офицерства считают, что одновременные операции против англичан и против СССР вряд ли возможны. 2. Наряду с этим подготовительные работы против СССР в штабе авиации продолжаются.
VI. 1941 г.	Старшина со слов нач. русского отдела штаба авиации Гейман	На следующей неделе напряжение в русском вопросе достигнет наивысшей точки и вопрос о войне окончательно будет решен. Германия предъявит СССР требование о предоставлении немцам хозяйственного руководства на Украине, об использовании советского военного флота против Англии.
	Старшина	Все подготовительные военные мероприятия — составление карт расположения советских аэродромов, сосредоточение на «балканских» аэродромах германской авиации должны быть закончены к середине июня месяца.
	Старшина со слов майора авиации Гертца	1. Все начальники аэродромов в генерал-губернаторстве и в Восточной Пруссии получили задания подготовиться к принятию самолетов. Спешно оборудуется большой аэродром в Инсербурге. 2. Сформировано будущее административное управление оккупированной территории СССР во главе с Розенбергом.
	Старшина	В руководящих кругах германского министерства авиации и в штабе авиации утверждают, что вопрос о нападении на Советский Союз окончательно решен. Главная штаб-квартира Геринга переносится из Берлина предположительно в Румынию. 18 июня Геринг должен выехать на новую штаб-квартиру.

VI. 1941 г.	Старшина	1. Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время. 2. В военных действиях на стороне Германии активное участие примет Венгрия. Часть германских самолетов, главным образом истребителей, находится уже на венгерских аэродромах.
	Корсиканец	Произведено назначение начальников военно-хозяйственных управлений будущих «округов оккупированной территории СССР». Для Кавказа — Амонн, один из руководящих работников нац.-соц. партии в Дюссельдорфе; для Киева — Бурандт, быв. сотрудник мин. хозяйства; для Москвы — Бургер, руководитель хозяйственной палаты в Штутгарте. Все эти лица выехали в Дрезден, являющийся сборным пунктом. Для общего руководства хозяйственным управлением «оккупированных территорий СССР» назначен Шлоттер, начальник иностранного отдела министерства хозяйства. Подлежащая оккупации территория должна быть разделена на три части, из которых одной должен заправлять гамбургский наместник Кауфман.
	Корсиканец	В министерстве хозяйства рассказывают, что на собрании хозяйственников, предназначенных для «оккупированной» территории СССР, выступал также Розенберг, который заявил, что «понятие Советский Союз» должно быть стерто с географической карты

20 июня 1941 года
Верно (Подпись)

Наша аналитическая записка оказалась довольно объемистой, а резюме – краткое и четкое: мы на пороге войны.

17 июня 1941 года я по последним сообщениям агентов Старшины и Корсиканца с волнением завершила этот документ. Заключительным аккордом в нем прозвучало:

«Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время».

Подчеркиваю, это было 17 июня 1941 года.

Обзор агентурных данных с приведенным выше выводом начальник Главного разведывательного управления Павел Михайлович Фитин повез лично Хозяину – И. В. Сталину.

СПРАВКА

ФИТИН Павел Михайлович (1907–1974) – сотрудник органов государственной безопасности, генерал-лейтенант.

С июля 1939 года П. М. Фитин работал начальником 5 (иностранного) отдела ГУ ГБ (Главное управление государственной безопасности).

С февраля 1941 по сентябрь 1946 года, то есть весь период Великой Отечественной войны, Павел Михайлович был начальником ПГУ (Первого главного управления – разведка) НКВД – МГБ СССР.

ВСПОМИНАЕТ ЗОЯ ВАСИЛЬЕВНА ЗАРУБИНА – ДОЧЬ В. М. ЗАРУБИНА

Ну что я могу сказать о Павле Михайловиче Фитине. Очень немного. Я знала Павла Михайловича как начальника разведки. Одно время мой отец был у него заместителем. Его уважали как человека внимательного, доброго. По образованию он агроном, до работы в органах редактировал сельскохозяйственный журнал. Во всяком случае, Фитин по характеру это не Деканозов и не Кабулов Амаяк. Он хотел не только служить, но старался понять, в чем же секрет ветеранов в то время. Без нужды он не наступал на их самолюбие. Это я могла почувствовать как молодая сотрудница, я у него работала одно время. Он видел во мне не только молодую сотрудницу, но и дочь Василия Михайловича Зарубина. Была какая-то клановость, семейственность что ли, в хорошем понимании этого слова.

Его жизнь претерпела тоже много изменений и сложностей. После войны он был, совершенно неизвестно почему, начальником Свердловского управления государственной безопасности. А затем уволили и с этой должности. И вот какие парадоксы, какие кульбиты делает жизнь. Уйдя на пенсию, он вернулся в Москву и работал директором фотокомбината Советского общества дружбы с зарубежными странами. Его устроил на эту работу Попов Николай Александрович. И когда вышла книга П. А. Судоплатова «Показания нежелательного свидетеля», мне позвонил Николай Александрович и сказал: «Что же там пишет Судоплатов о Фитине, разве это было так?!» Я тоже считаю, что не все можно публиковать, не надо без нужды обижать людей. Его забывчивость, его неточность больно бьет по тем многолетним отношениям. Не это обидно. Либо мы молчим, либо говорим правду. Да и то до конца правда не нужна. Это наше горе, это наша трагедия, но от этого мы не стали меньше любить свою страну.

Трудно передать, в каком состоянии мы, члены группы, ждали возвращения Фитина из Кремля. Но вот Фитин вызвал к себе Журавлева и меня. Наш обзор мы увидели у него в руках. Фитин достаточно выразительно перебрал сброшюрованный документ на журнальный столик Журавлеву.

– Хозяину доложил. Иосиф Виссарионович ознакомился с вашим докладом и швырнул его мне. «Это блеф! – раздраженно сказал он. – Не поднимайте паники. Не занимайтесь ерундой. Идите-ка и получше разберитесь».

– Еще раз перепроверьте и доложите, – приказал Фитин Журавлеву.

Недоумевающие, ошарашенные, мы вернулись в кабинет Павла Матвеевича. Мы не могли понять реакции Сталина. Как и бывает в таких случаях, снова и снова принимались все взвешивать и разбирать. Наконец Павел Матвеевич высказал предположение:

Сталину с его колокольни виднее. Помимо нашей разведки он располагает данными разведки военной, докладами послов и посланников, торговых представительств, журналистов.

– Да, ему виднее... – согласилась я, – но это значит, что нашей годами проверенной агентуре нельзя верить.

– Поживем – увидим, – как-то мрачно заключил Павел Матвеевич.

А я думала о том, что если бы Павел Матвеевич сам докладывал эти материалы Иосифу Виссарионовичу, то, может быть, сумел бы убедить его в достоверности информации.

О Павле Матвеевиче Журавлеве ходили легенды, он был блистательным разведчиком. В разных странах умел находить ценнейших людей. Одного из них он ввел даже в ближайшее царское окружение в Болгарии. Обладал удивительным даром общения, владел основными европейскими языками. Я счастлива, что имела такого мудрого наставника.

СПРАВКА

ЖУРАВЛЕВ Павел Матвеевич родился 29 ноября 1898 года, русский, уроженец села Красная Сосна Корсунского района Симбирской губернии, окончил мужскую гимназию в Казани и 2 курса Казанского медицинского факультета. Читает на французском, немецком, латинском языках.

В личном деле П. М. Журавлева, он же П. М. Днепров (под этой фамилией он выезжал в заграничные командировки), оперативный псевдоним Макар, записано: «В августе 1918 года во время захвата Казани белыми бежал с сестрой – женой комиссара штаба Казанского военного округа Родионовой Еленой Матвеевной, муж которой был расстрелян белыми и которая должна была родить. Однако, по мобилизации его года, Журавлев П. М. явился на призывной пункт Корсунского уезда и был назначен санитаром на плавучий госпиталь. Через месяц, при эвакуации белых, вновь бежал от них, некоторое время скрывался и вышел в расположение 27-й дивизии Красной Армии около города Бугульмы».

До 1925 года П. М. Журавлев – Макар работал на различных должностях в ВЧК на губернском уровне, а затем был переведен на работу в Москву в иностранный отдел ОПТУ. Через год началась его работа за рубежом. С 1926 по 1928 год он работал в Литве на должности 2-го секретаря представительства СССР в Вильно. С 1928 по 1930 год – на той же должности в представительстве СССР в Праге.

С 1931 года – в Турции на должности атташе в полпредстве СССР в Анкаре. В 1933–1938 годах П. М. Журавлев работает 2-м секретарем полпредства СССР в Риме, где с наибольшей силой раскрылись его организаторские способности. Резидентурой НКВД в Италии в этот период было приобретено значительное количество ценных агентов, и среди них агент Д-36.

Агент Д-36 – это Пиетро Капуцци, итальянец, владелец авторемонтной мастерской с бензоколонкой и в то же время сам вербовщик. С ним Макар – Журавлев работал с 1937 по 1938 год.

С началом второй мировой войны Пиетро Капуцци организовал партизанский отряд, который под его руководством мужественно сражался за свободу итальянского народа от фашизма. Сам П. Капуцци в одном из боев был убит немецкими оккупантами. В марте 1945 года о нем много писалось в итальянских газетах как о борце за свободу. А после окончания войны итальянское правительство наградило Пиетро Капуцци посмертно золотой медалью.

С 1938 года Павел Матвеевич Журавлев находился в Москве и возглавлял сначала второе, а затем первое отделение 5 отдела НКВД. Это ему и его группе аналитиков, куда входила и Зоя Ивановна, было поручено «отгадать» день нападения фашистской Германии на Советский Союз.

В 1940 году восстановил связь с полномочным представителем Болгарии в СССР Иваном Федоровичем Стаменовым, с которым установил контакт еще в Риме, где последний работал в то время первым секретарем посольства Болгарии в Италии. Через Стаменова Макар получал информацию о политике Болгарского государства накануне второй мировой войны.

Началась война. Однако И. Стаменов как представитель Болгарии находился в Советском Союзе. В архиве сохранился меморандум о настроениях И. Стаменова в те годы, составленный по агентурным данным. Интересно высказывание Стаменова, сделанное им в интимной обстановке в сентябре 1942 года. «Я люблю Россию и русский народ, – гово-

рил он, – восхищаюсь его мужеством и тем не менее предвижу, что в недалеком будущем вы будете тем же, чем и мы. В определенной степени вы будете поработаны после войны, будете рабами. Это будет неизбежно. Ведь вы одни выносите всю тяжесть войны, и это кое-кому очень не нравится. Ведь вы же будете слабыми, народ устанет от войны. И жертв, хотя он и будет победителем.

Вы, русские, очень гордые, и это мешает вам оглянуться на прошлое и настоящее маленьких стран, вроде нас.

Оглянитесь на историю, вспомните, как после войны (имеется в виду Первая мировая война. – Ред.) с нами поступили союзники, и сделайте выводы и для себя. Ведь к этому направлена политика ваших теперешних друзей» (архивное дело № 34467, л. 134).

В личном деле Макара № 30535 записано: «С 9 мая 1942 года по 7 апреля 1946 года находился в долгосрочной загранкомандировке в Тегеране сначала в качестве первого секретаря, а затем поверенного в делах СССР в Иране».

Государство Иран и его столица Тегеран вписаны в историю Второй мировой войны одним значительным событием – в 1943 году (28 ноября – 1 декабря) там состоялась встреча глав государств антигитлеровской коалиции, на которой была принята Декларация о совместных действиях в войне против Германии и о послевоенном сотрудничестве трех держав, а также решение об открытии не позднее 1 мая 1944 года второго фронта в Европе.

Разведывательные службы фашистской Германии знали о готовящейся конференции и приняли соответствующие меры по ее срыву. Они намеревались уничтожить И. Сталина, У. Черчилля, а Ф. Рузвельта захватить живым. В Тегеран были заброшены пять опытных германских разведчиков, снабженных денежными и материальными средствами (золото, оружие, спецустройства и т. п.). Они создали сильную конспиративную прогерманскую группировку в правящих кругах Ирана и оборудовали военную базу в пустыне на территории одного из племен. Возглавлял всю эту работу доверенное лицо начальника 6 Управления бригаденфюрера СС Шелленберга Отто Скорцени. Тот самый Скорцени, который 25 июля того же 1943 года по личному указанию Гитлера освободил Муссолини, арестованного в то время заговорщической группой офицеров королевской гвардии Италии. Непосредственно группу агентов в Ираке возглавлял один из доверенных боевиков Скорцени – штурмбанфюрер Рудольф фон Пфлюг. Руководящее ядро немецких диверсантов собиралось периодически в доме иранского подданного Эбтеха, завербованного абвером, а позднее перевербованного разведслужбами Союзников.

Планы гитлеровской разведки провалились – 2 декабря 1943 года в 6 часов утра все пятеро немецких разведчиков были арестованы.

Павел Матвеевич Журавлев получил звание генерал-майора, а в личном деле Макара осталась одна скудная запись: «Раскрыл и предупредил о подготовке со стороны гитлеровской разведки террористического акта в отношении глав союзных держав антигитлеровской коалиции в Тегеране».

Вернулся П. М. Журавлев в Москву из Тегерана в апреле 1946 года. По служебной линии его возвращение из командировки сопровождалось служебной характеристикой из двух лаконичных фраз от 27 апреля 1946 года: «Павел Матвеевич Журавлев, находясь в долгосрочной командировке, проделал большую работу: в 1944 году в сложных условиях создал новую резидентуру МГБ СССР, регулярно снабжавшую Центр ценными разведывательными материалами и активно работающую до настоящего времени.

Лично Журавлевым П. М. и сотрудниками руководимой им резидентуры завербован ряд весьма ценных агентов».

Товарищи и коллеги Павла Матвеевича тепло и с большим уважением отзывались о нем и о методах его работы с подчиненными. Вот что, например, писал по этому поводу ветеран службы внешней разведки Д. Г. Федичкин, работавший вместе с П. М. Журавле-

вым еще во второй половине 30-х годов, и в том числе в резидентуре в Риме, тот самый Федичкин, о котором Зоя Ивановна во второй главе своей книги расскажет один эпизод: «Честность и справедливость были отличительными чертами Павла Матвеевича. Ему были чужды корыстные и эгоистические мотивы в отношениях с людьми. Он прямо в глаза говорил правду, невзирая на лица. Не терпел карьеристов и двуличных людей, презирал тех, кто искал легкой жизни, выгод, не любил людей беспринципных, способных на ложь и обман. Он не скрывал и не приуменьшал недостатков и просчетов в работе, если они были.

По натуре Журавлев был мягким, вежливым и выдержанным человеком, таких называют «человечный человек». Однако он не терпел расхлябанности и недисциплинированности, был требователен, но его требовательность не была голым администрированием, действовал он методами разъяснения и убеждения. Я не знаю случая, чтобы он когда-либо повысил голос и вел себя грубо. Не терял он самообладания и в период осложнений и неудач».

Умер Павел Матвеевич в Москве в 1956 году и был похоронен со всеми воинскими почестями на одном из московских кладбищ.

ВСПОМИНАЕТ П. А. СУДОПЛАТОВ

(Из книги «Показания нежелательного свидетеля»)

С ноября 1940 года все мы находились в состоянии повышенной боевой готовности. К этому времени Павел Журавлев и Зоя Рыбкина завели литерное дело под названием Затея в котором сосредоточивались информационные материалы о подготовке Германии к войне против Советского Союза. С помощью этого дела было легче регулярно следить за развитием немецкой политики, в частности, за ее возрастающей агрессивностью. Информация из этого литерного дела регулярно поступала к Сталину и Молотову, что позволяло им корректировать их политику по отношению к Гитлеру. В деле находились сообщения, которые впервые породили у советского руководства сомнения в искренности предложений Гитлера, в частности, о делении мира между Германией, Советским Союзом, Италией и Японией, о чем Молотов сказал в ноябре 1940 года в Берлине. Зоя Рыбкина, которая за несколько дней до начала войны посетила германское посольство в Москве, заметила, что персонал этого посольства практически был готов к эвакуации. Это сообщение озаботило нас.

...Сегодня, когда минуло пять десятилетий с того времени и когда печать, телевидение, радио предадут гласности секретные документы той роковой поры, отчетливо видишь, какую важную миссию выполняла советская внешняя разведка и какой просчет, принесший немалые беды, допустило сталинское руководство.

Замечу, что тогда мы старались найти оправдание «стратегическому плану» Сталина. Прочно утвердилось такая версия: мы не подтянули вовремя к границам воинские части, не оснастили вооружением новую советско-германскую границу. Сталин, мол, стремился к тому, чтобы весь мир знал и видел, кто развязал войну. Хотя гитлеровцы постоянно нарушали наши воздушные, морские и сухопутные границы, провоцировали нас, мы на провокацию не поддались, зато получили в союзники США, Великобританию и мировое общественное мнение...

Глава 2

Вальс у Шуленбурга

В середине мая 1941 года я была приглашена к начальнику Главного управления контрразведки комиссару П. В. Федотову. С контрразведкой у меня никогда не было никаких контактов, и я не могла понять причину вызова.

Спустилась двумя этажами ниже, вошла в приемную.

– Майор Рыбкина? – секретарь вскочил со своего места. – Пожалуйста, пройдите, комиссар вас ждет.

Я прошла через тамбур с двумя дверями. В просторном кабинете кресла и стулья были обтянуты белоснежными чехлами, на обширном письменном столе возвышалась лампа под зеленым абажуром и стояли две хрустальные чернильницы в бронзовой оправе. На столике, примыкавшем к рабочему столу, шесть или восемь телефонных аппаратов. Между двух окон на стене большой портрет Сталина. На другой стене в темной раме портрет Ленина. В общем, обычный генеральский кабинет.

Петр Васильевич поднялся из-за стола, вышел навстречу, пожал мне руку, пригласил занять место у журнального столика, сам сел напротив.

Я видела его впервые. Он походил на директора школы или преподавателя вуза. Мало что выдавало в нем комиссара госбезопасности, хотя он был в военной форме с тремя ромбами в петлицах.

Петр Васильевич сразу перешел к делу. Контрразведке нужна моя помощь. Гитлеровская Германия, желая опровергнуть распространяемые слухи о якобы готовящемся нападении на СССР, решила продемонстрировать верность заключенному в 1939 году советско-германскому договору и прислала в Москву, что весьма знаменательно, делегацию, но не экономическую или политическую, а группу солистов балета Берлинской оперы. Германский посол Шуленбург сегодня дает обед в их честь; на обед приглашены звезды нашего балета.

– И мы очень просили бы вас, – сказал Петр Васильевич, – быть среди приглашенных на этот обед.

– В качестве кого? – удивилась я.

– Мы об этом подумали и уже заготовили приглашение. Вы будете представлять там БОКС (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. – З. В.). Мы надеялись, что вы нам не откажете, и БОКС уже послал список приглашенных в германское посольство. А вам я вручаю это приглашение. – И он протянул мне продолговатый конверт, в котором значилась моя фамилия.

Я вспыхнула и запротестовала:

– Там могут быть и дипломаты, которые меня знают, но знают под другой фамилией.

– Ах, черт возьми, мы этого не учли.

Он задумался, а я тем временем вертела в руках приглашение, не зная, как поступить.

Наконец, тяжело вздохнув, Петр Васильевич сказал:

– Мы сделаем так. Попросим БОКС позвонить в германское посольство и предупредить, что так как Рыбкина заболела, то вместо нее будет Ярцева.

– Да это все шито белыми нитками, – рассмеялась я. – Впрочем, меня интересует моя роль в этом деле.

Петр Васильевич принялся популярно объяснять. Мне следует оценить обстановку, настроение, учесть всякие детали, интересующие нашу контрразведку.

Времени для подготовки к званому обеду оставалось в обрез. Я понимала, как встретят меня советники Шуленбурга, сотрудники гитлеровской разведки...

Небольшое отступление. После войны Петр Васильевич Федотов возглавит внешне-политическую разведку, будет моим начальником. Это был честный, умный человек, за многие годы работы ставший крупным мастером по розыску и разоблачению засылаемой к нам вражеской агентуры. А мы в разведке занимались розыском в стане прямого или потенциального противника людей, способных быть нашими помощниками, служить нашему делу. Естественно, в этой новой для него области Федотов на первых порах проявлял и осторожность, и подчас медлительность в принятии решений.

Работая начальником германского отдела, я вносила на его рассмотрение различные проекты оперативных мероприятий, направленных на приобретение агентуры, разработку отдельных способов внедрения наших агентов в германские ведомства и т. д. и т. п.

Петр Васильевич обыкновенно прочитывал проект, медленно закрывал папку, говоря: «Это надо обдумать». Проходили дни, недели, а то и месяцы, прежде чем он принимал решение. У меня накопилось несколько таких нерешенных проектов, я собрала их в отдельную папку и, огорчаясь тем, что иные из них уже теряют свою актуальность, сделала на этой папке сакраментальную надпись: «Так погибают замыслы с размахом, вначале обещавшие успех, от долгих отлагательств» (Уильям Шекспир).

И надо же было случиться такому: я поскользнулась, упала и некоторое время вынуждена была лежать дома с ногою в гипсе.

Мой непосредственный начальник Дмитрий Георгиевич Федичкин прислал своего секретаря взять у меня ключ от сейфа, в котором хранились понадобившиеся ему для доклада генералу Федотову документы. Лежали они как раз в злополучной папке.

Я по-дружески попросила секретаря самому вынуть из папки нужные материалы, а папку с надписью Федичкину не передавать. Но получилось так, что Федичкин спешил, сам снял печать и открыл сейф. Взял папку и, как потом мне рассказал, отправился на доклад. В кабинете, ожидая, когда генерал освободится, Федичкин аккуратно положил папку на письменный стол, не заметив на ней надписи. Но генерал был не таков. Он весьма внимательно осмотрел папку и прочитал вслух шекспировское изречение. Постучав по привычке пальцем по столу, Федотов заметил: «А ведь Шекспир прав, мы тугодумы, и Бисмарк тоже корил русских, что они медленно запрягают...» Федичкин тут же отпарировал: «Но Бисмарк сделал вывод: зато русские быстро ездят...»

...Все это сейчас пришло на память из далекого прошлого, а тогда мне надо было торопиться в парикмахерскую и домой, переодеться.

СПРАВКА

ФЕДИЧКИН Дмитрий Георгиевич (1902–1991) – советский разведчик, полковник в отставке.

Д. Г. Федичкин – сын подмосковного крестьянина-бедняка, переселившегося со своей семьей в начале века в поисках лучшей доли на Дальний Восток. Принимал непосредственное участие в партизанских боях за освобождение Дальнего Востока, был комиссаром роты и комиссаром батареи. После окончания Гражданской войны в октябре 1922 года его пригласили на работу во вновь формирующиеся органы ГПУ в Приморье. Более пятидесяти лет Д. Г. Федичкин проработал во внешней разведке. Был в странах Прибалтики в предвоенные годы и в Италии, после войны в Болгарии и Югославии. В Италии Федичкин находился вместе с уже известным читателю Павлом Матвеевичем Журавлевым, а в предвоенные годы был непосредственным начальником Зои Ивановны Воскресенской-Рыбкиной.

События Гражданской войны в Приморье Федичкин описал в книге «У самого Тихого...», изданной издательством «Детская литература» в 1977 году. В работе над этой книгой ему во многом помогала Зоя Ивановна, которая написала и послесловие. В литера-

турной судьбе Федичкина сказала та же взаимосвязь», что и у самой Зои Ивановны, – предшествующая работа послужила базой, основой для литературного труда.

В 1984 году в том же издательстве выходит вторая книга Дмитрия Георгиевича «Чекистские будни» о работе сотрудников органов государственной безопасности на Дальнем Востоке с середины 20-х до середины 30-х годов.

На машине ВОКСа я прибыла в германское посольство. Одновременно со мной подъехали две машины с солистами балета Большого театра. Запомнилась народная артистка Семенова, она приехала после спектакля, усталая, непричесанная, лицо ее без грима блесло от крема. Балерина Тихомирнова была в каком-то затрапезном платье. Появились еще две молодые танцовщицы, был, кажется, и Чабукиани.

Встречал гостей посол Шуленбург. Он был, как положено, во фраке, и его окружали балерины, приехавшие из Берлина.

СПРАВКА

ШУЛЕНБУРГ – графский род, принадлежащий к числу древних фамилий в Германии. Свое происхождение ведет от Вернера фон дер Ш. – рыцаря-крестоносца, убитого в 1119 году. Потомство Вернера разделилось на несколько ветвей, в числе которых были графские и баронские фамилии.

Саксонский камергер барон Генрих-Морис фон дер Ш. (1739–1808) в 1786 году был возведен в графское достоинство Римской империи. Сын его Людвиг поступил на русскую службу и умер в чине генерал-майора. Род Ш. со стороны России также был утвержден в графском достоинстве и в 1854 году приписан к Черниговской губернии.

Граф Фридрих-Вальтер фон дер Шуленбург, в предвоенные годы посол Германии в СССР, выходец из этого старинного аристократического рода, был воспитан в духе веками складывавшейся германо-русской дружбы.

4 мая 1941 года Фридрих фон Шуленбург и советник германского посольства в Москве Густав Хильгер провели в резиденции посольства встречу с послом СССР в Германии В. Г. Деканозовым, находившимся в то время в Москве, и заведующим отделом Центральной Европы НКВД СССР В. П. Павловым. На этой встрече Ф. Шуленбург рассказал В. Деканозову об аудиенции у Гитлера 28 апреля 1941 года. Шуленбург и Хильгер сообщили ему точную дату готовящегося германского нападения на Советский Союз, предупредив его о том, что они совершают рискованный шаг и делают его по собственной инициативе.

Но И. В. Сталин не поверил и этому.

Позднее граф фон Шуленбург воспринял начало войны как свою личную трагедию. А еще позднее он стал одним из участников заговора 20 июня 1944 года – покушение на Гитлера. Заговор не удался. 10 ноября 1944 года Фридрих фон Шуленбург был казнен.

Всех пригласили к столу. С немецкой стороны дипломаты были без жен. Один из них говорил по-русски. А с советской стороны переводчиком пришлось быть мне. Чувствую, в меня впился взглядом сидевший визави, как он потом представился, военный атташе. Он был – мы это знали – главой немецкой разведки в Москве.

После обеда, далеко не парадного и не рассчитанного на гурманов (блюда были пресные), разговор завязался натянутый, с паузами. Военный атташе несколько раз выбегал, его куда-то вызывали. Один раз, возвратившись, он что-то прошептал послу Шуленбургу, что было уж совсем бестактно с точки зрения дипломатического протокола.

Перешли в зал, где разносили кофе, мороженое и ликер. Военный атташе завел патефон английского происхождения марки «Хиз мастере войс»⁴. На крышке патефона была изоб-

⁴ «Голос его хозяина» (англ.).

ражена собака, слушающая звук из граммофонного раструба. Начались танцы. Шуленбург пригласил меня на тур вальса.

На меня напало смешливое настроение. Мой партнер был внимателен, вежлив, но не мог скрыть своего удрученного состояния.

– Не кажется ли вам забавным, господин посол, – спросила я, – что мы танцуем с вами в балетной труппе Большого театра?

– Действительно, забавно, – усмехнулся Шуленбург. – Такое, к сожалению, случается лишь раз в жизни, а я к этому не готов.

– Вы не любите танцевать? – спросила я с наивностью в голосе.

– Признаться, не люблю, но вынужден, вынужден, – еще раз подчеркнул Шуленбург.

И я вдруг почувствовала какой-то иной смысл в его словах, высказанных с горечью.

Танцуя, мы прошли по анфиладе комнат, и я отметила в своей памяти, что на стенах остались светлые, не пожелтевшие квадраты от снятых картин. Где-то в конце анфилады как раз напротив открытой двери возвышалась груда чемоданов.

В это время к нам не подошел, а подбежал запыхавшийся военный атташе:

– Господин посол, вам надо отдохнуть, я похищаю у вас даму.

– Я тоже устала, – ответила я.

Шуленбург ушел в какую-то боковую дверь, а военный атташе сопровождал меня в зал и принялся расспрашивать, в каком отделе ВОКСа я работаю. Я ответила, что в скандинавском. Он подробно интересовался нашими планами, какие намечены вернисажи, какие предстоят гастроли. Я отвечала наобум, что Бог на душу положит. У меня не было времени «запрягаться», и вынуждена была «быстро ехать».

Военный атташе снова куда-то исчез. В это время балерина Семенова сказала, что пора бы и честь знать и время отправляться домой. Вышел Шуленбург, гости благодарили за прием. Появился военный атташе, подошел ко мне и злорадно съязвил:

– Мне сейчас сообщили, что театр Станиславского не собирается выезжать с гастролями в Финляндию, как вы изволили мне сказать.

– У вас старые сведения, господин генерал, – ничуть не смутившись, ответила я.

– Сведения самые последние и самые достоверные, – настырно повторил военный атташе.

– А я утверждаю, что именно так. Сегодня днем шеф ВОКСа профессор Кеменов написал мой план.

Мы распрощались.

Меня ждала машина ВОКСа. В зеркало я видела, что военный атташе, стоя на крыльце, записывал номер этой машины.

Возле моего дома меня ждала другая, служебная машина, на которой я поехала на Лубянку и, как была, в вечернем бархатном платье со шлейфом, пришла к генералу Федотову. Мои наблюдения в германском посольстве и всякие подмеченные детали вполне удовлетворили специалистов нашей контрразведки. Из моего доклада было ясно, что германское посольство готовится к отъезду и вся эта «культурная» акция с Берлинским балетом сфабрикована для отвода глаз.

Шуленбург и его аппарат готовились покинуть Москву.

Глава 3

«Как это на пятый день?!»

Александр Сергеевич Нелидов, 1893 года рождения, бывший штабс-капитан царской армии, артиллерист, не принял Октябрь, служил у Деникина. С остатками белой армии бежал в Турцию, затем перебрался во Францию, из Франции в Германию. Здесь его подобрала военная разведка, а с приходом к власти Гитлера – абвер генерала Канариса⁵. Нелидов участвовал в ряде военных игр, которые устраивали германский генеральный штаб совместно с абвером и разведкой имперской безопасности.

Накануне Второй мировой войны, в 1939 году, Нелидов был направлен Канарисом в Чехословакию, затем в Польшу. В Варшаве Нелидов был разоблачен, арестован и заключен во Львовскую тюрьму. Когда Красная Армия освобождала Западную Белоруссию и Западную Украину, Нелидов вместе с другим заключенным был выпущен из тюрьмы. Знакомство с его делом работников СМЕРШа⁶ показало, что он разведчик фашистской Германии. Его переправили в Москву и поместили во внутреннюю тюрьму на Лубянке.

В середине 1940 года начальник Разведуправления НКВД СССР П. М. Фитин приказал мне заняться Нелидовым и получить от него информацию по Германии.

И вот ко мне в кабинет конвоир привел Нелидова из внутренней тюрьмы. Это был человек лет пятидесяти, невзрачный на вид, с проседью в аккуратно подстриженных волосах. Вел он себя как-то по-лакейски. «Да-с», «никак нет-с», «слушаюсь», «как прикажете, гражданин начальник». Мне стало смешно и стыдно за него – русского офицера старой выучки. Тем более что из первоначального опроса было ясно, что человек он образованный, весьма осведомленный и располагает важной информацией, столь необходимой нам в предвидении возможной войны с Германией.

Я подготовила план работы с Нелидовым. Фитин одобрил задуманное. Нелидова ежедневно приводили ко мне в кабинет, я его устроила в смежной комнате, и мы договорились, что он подробно, во всех деталях, опишет военные игры, в которых участвовал, тщательно изложит военные действия, предполагаемые Германией против СССР.

Нелидов попросил дать ему возможность представить свой материал в виде начерченных карт-схем. «Для наглядности и точности», – отрапортовал он. Работал он, как и я, с утра до шести вечера, потом перерыв часа на три и вслед за тем вновь на служебном месте до двух-четырех часов ночи, вернее, уже утра. Обед ему приносили из нашей столовой, и когда он увидел нож и вилку, то отодвинул их и робко произнес: «Но это мне не положено».

Сперва в нем чувствовалась скованность и даже растерянность. При моем появлении он вскакивал с места, держал руки по швам. Но постепенно я отучила его от привычки прибавлять к каждому слову букву «с», разрешила называть меня Зоей Ивановной, а не «гражданином начальником» и сама обращалась к нему по имени-отчеству.

В процессе работы он обнаружил глубокое знание искусства управления войсками, отличную память на давние и недавние события, размещение армейских группировок, номера разного рода дивизий, калибры и число орудий. Всё это условными обозначениями заносилось на карты-схемы.

Отчетливо помню синие стрелы, направленные на границу Белоруссии.

– В одной из последних военных игр Минск предполагалось занять на пятый день после начала немецкого наступления, – пояснил Нелидов.

⁵ Абвер – гитлеровская военная разведка и контрразведка. Канарис – начальник абвера.

⁶ СМЕРШ – «Смерть шпионам», советская военная контрразведка.

Я рассмеялась: «Как это на пятые сутки?!» Он смутился и принялся клясться всеми богами, что именно так было рассчитано самим Кейтелем⁷ во время последней игры. Этот план, как мы теперь знаем, был позднее утвержден Гитлером и назван планом «Барбаросса».

Гитлер не случайно присвоил своим зловещим намерениям имя «Барбаросса». Фюрер мечтал – по примеру одного из популярнейших героев немецкого средневековья, короля Фридриха I Барбароссы, который в 1155 году в Риме был увенчан короной Священной Римской империи, – возглавить новую могущественную империю. При этом Гитлер игнорировал тот злополучный факт, это Фридрих I, ведший в крестовом походе свою армию к победам, находясь в Малой Азии, утонул во время переправы в маленькой речке Салефе...

Маньяк Гитлер, возомнивший себя сверхчеловеком, допустил со своим планом «Барбаросса» просчет.

Когда я показала Фитину первую карту, начерченную Нелидовым, генерал чертыхнулся:

– Ну и заливает же этот подонок. На пятый день уже и Минск.

(Печальная справка. Красная Армия после жестоких боев вынуждена была оставить Минск 28 июня, то есть на шестой день после начала войны. Чего греха таить, в те первые дни войны даже в генеральских коридорах подчас распространялись ложноспасительные версии насчет того, что Красная Армия отбросит гитлеровскую армию аж к самой Варшаве...)

Но вернемся к Нелидову и работе с ним.

В мае 1941 года мировую печать облетела сенсация: Рудольф Гесс на одноместном самолете улетел в Великобританию. От нашего разведчика Зенхена – легендарного Кима Филби мы получили сообщение, что Гесс встретился с лордом Гамильтоном «с целью установить сепаратный мир». В первую мировую войну Гесс был летчиком. Член нацистской партии с 1920 года, он участвовал в мюнхенском путче в 1923 году и был арестован вместе с Гитлером. Сидел с фюрером в одной камере и помогал ему писать «Майн кампф». После освобождения из тюрьмы в 1925 году Рудольф Гесс стал личным секретарем Гитлера, а с апреля 1933 года – заместителем главы нацистской партии.

СПРАВКА

ГЕСС Рудольф (1894–1987) – один из главных немецко-фашистских военных преступников.

С 1925 года Рудольф Гесс – личный секретарь Адольфа Гитлера, а с 1933 года, когда Гитлер официально пришел к власти, Гесс становится его заместителем на посту национал-социалистской партии Германии.

В 1941 году, еще до нападения Германии на Советский Союз, Гесс вылетел в Великобританию с целью негласных переговоров с правительством Великобритании о заключении сепаратного мира. Но правительство Великобритании не пошло на сговор с гитлеровским режимом, и Гесс был заключен в тюрьму! В истории этот факт известен как «Миссия Гесса». С окончанием второй мировой войны Гесс был передан англичанами Международному суду в Нюрнберге, который проходил с 20 ноября 1945 года по 1 октября 1946 года. На Нюрнбергском процессе Р. Гесса защищал известный защитник доктор (кандидат юридических наук) Альфред Зейцл. Несмотря на умелую защиту со стороны А. Зейцла, Гесс был приговорен к пожизненному заключению, которое отбывал в западноберлинской тюрьме Шпандау. Умер Р. Гесс в тюремной камере в 1987 году, 17 августа.

Существует три версии смерти Рудольфа Гесса. Первая состоит в том, что Гесс умер естественной смертью от инфаркта, находясь в садовом дворике во внутреннем дворе

⁷ Вильгельм Кейтель – начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил Германии с 1938 по 1945 г.

тюрьмы, где ему никто не мог оказать необходимую помощь. Кстати, других заключенных, осужденных по Нюрнбергскому процессу, в тюрьме в эти годы уже никого не было.

Суть второй версии в том, что Гесс покончил с собой, приняв яд, непонятно каким образом попавший в его руки. Другой вариант второй версии – Гесс повесился на шнурке, но шнурок не нашли.

И третья версия гласит о том, что Гесс в садовом дворике был задушен американцами, которые, дескать, за что-то хотели отомстить англичанам.

Кроме этих версий о смерти Р. Гесса, проведенного в заключении более пятидесяти лет, вокруг него витает много других легенд. Например, одна из них говорит о том, что Р. Гесс прилетел в Англию в мае 1940 года, не имея никаких намерений и заданий по заключению сепаратного мира между Великобританией и Германией. И арестован Гесс англичанами был потому, что его арестом власти Великобритании намеревались преподнести дезинформацию Сталину, внушив ему мысль о якобы намерении Гитлера заключить сепаратный договор с Черчиллем.

Вторая легенда свидетельствует о том, что англичанами был арестован вовсе не Рудольф Гесс, а совсем другой человек, который и предстал затем перед судьями на международном Нюрнбергском процессе. Из этого следует, что именно другой человек, которого выдали за Гесса, и провел пожизненное заключение в тюрьме Шпандау. Однако очевидно, что последняя версия-легенда не выдерживает никакой критики, поскольку за время длительного нахождения в Шпандау Гесса неоднократно посещали его многочисленные родственники и никто из них не высказал никаких сомнений.

Сообщение Зенхена о Гессе и его тайных переговорах с лордом Гамильтоном имело для нас необычайную ценность. Подчеркну, что перелет Гесса был совершен в ночь на 11 мая 1941 года. До чудовищного вероломства гитлеровской Германии оставались считанные дни...

Руководство поручило мне по всем каналам проверить сообщение Зенхена и представить дополнительные сведения. Задание было выполнено. Ким Филби подтвердил свою информацию из Лондона. Ему можно было верить. Он пользовался безупречной репутацией. Горестно сознавать, однако, что на самом вершине отнеслись к сообщению Кима Филби с недоверием. Сталин проявлял свойственную ему «настороженность» к сообщениям советских разведчиков.

Мы решили рассказать о перелете Гесса Нелидову, который, разумеется, не знал, что происходит за стенами Лубянки, и по-прежнему работал над своими схемами. Когда я спросила его, как он может все это оценить, Нелидов живо отреагировал:

– Бессспорно, это война. Гесс вербует Англию в союзники против СССР.

Так оно и было в действительности.

Но англичане не пошли на гитлеровскую приманку и поместили Гесса в тюрьму. Миссия его провалилась. После войны на Нюрнбергском процессе Гесс был осужден на пожизненное заключение, которое он отбывал в берлинской тюрьме Шпандау. В ней он и умер (по иной версии, отравился или был отравлен) несколько лет назад.

В первых числах июня 1941 года я передавала заместителю начальника Генерального штаба, начальнику Главного разведывательного управления Филиппу Ивановичу Голикову карты-схемы, начерченные Нелидовым. Крутолобый Голиков, очень живой, подвижный, с интересом рассматривал эти карты и, перекладывая листы, комментировал:

– Итак, они решили врезаться клиньями. И, подумайте, на пятый день намерены забрать Минск. Ай да Кейтель, силен, – сыронизировал Филипп Иванович. – Силен...

– А вы знаете, товарищ генерал, – заметила я, – мы получили от одного нашего агента, железнодорожного чиновника в Берлине, адресованный ему пакет с надписью: «Вскрыть по объявлении мобилизации». Наши специалисты этот пакет аккуратно вскрыли и обнару-

жили предписание Главного военного командования Германии, обязывающее этого чиновника прибыть на станцию Минск, начальником которой он назначался, и «приступить к исполнению своих обязанностей на 5-й день после начала военных действий».

– Это весьма и весьма интересно, – заметил генерал, свертывая в трубку карты.

СПРАВКА

ГОЛИКОВ Филипп Иванович (1900–1980) – Маршал Советского Союза, член КПСС с 1918 года.

В предвоенные годы Ф. И. Голиков был начальником ГРУ РККА (Главное разведывательное управление Красной Армии). В годы второй мировой войны в период с 1941 по 1943 год командовал рядом армий на Брянском и Воронежском фронтах. С 1943 по 1950 год работал начальником Главного управления кадров Советской Армии, а с 1958 года по 1962 год был начальником Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота. С приходом к власти Н. С. Хрущева Голиков в 1961 году получает воинское звание Маршала Советского Союза.

Ф. И. Голиков избирался в члены ЦК КПСС (с 1961 по 1966 год) и депутатом Верховного Совета СССР.

...В воскресенье 22 июня началась война. В этот вечер мы отправляли наших детей на Азовское море.

В понедельник, как обычно, я расписалась в приеме заключенного Нелидова и по его лицу поняла, что от него не ускользнуло мое состояние. Он смотрел на меня с тревогой: выглядела я и вела себя не так, как обычно.

(Перед началом служебного дня было короткое совещание у руководства. Рассматривались оперативные вопросы. Мне посоветовали о вторжении фашистской Германии Нелидову не говорить.

– Вас, наверное, смущает мой вид, – спросила я Александра Сергеевича. – Не удивляйтесь, ночью проводила сынишку на летние каникулы, и мне очень грустно...

Июнь выдался жаркий, и если раньше на нашем высоком этаже окна на улицу были широко открыты, то теперь наглухо зашторены. Нелидов бросил многозначительный взгляд на плотно завешенные гардины, но спросить ничего не посмел.

Прошел месяц. 22 июля. Мы обсуждаем с Нелидовым концепцию генерала фон Секта – противника гитлеровского «Дранг нах Остен». Фон Сект считал, что война Германии против Советского Союза обречена на поражение даже в том случае, если бы германская армия захватила территорию до Урала. Нелидов с карандашом в руке принялся на листе бумаги объяснять, что растянутые немецкие коммуникации потребуют огромного количества войск для охраны мостов и других военных объектов, неимоверного расхода горючего, что связано с подвозом продовольствия, большого напряжения сил для подавления внутреннего сопротивления, которое в традициях русского народа. «До Урала дойдут – и все. Это закончится позиционной войной. В ней Германия захлебнется и потерпит позорное поражение», – утверждал генерал фон Сект, от которого постарались избавиться и направили его в Китай советником Чан Кайши.

Наш разговор с Нелидовым прервал размеренный бас радиодиктора: «Граждане, воздушная тревога!» Было ровно 10 вечера. Слова диктора поглощала доносившаяся до нас оружейная стрельба. Слышались мощные взрывы, дребезжали стекла. У Нелидова округлились глаза.

– Зоя Ивановна! – воскликнул он. – Стреляют не холостыми. Это война?

– Да, – ответила я. – Сегодня ровно месяц с ее начала. И Минск пал. Не на пятый, как значилось на картах, а на шестой день. Но это не меняет сути... Что ж, Александр Сергеевич, нам с вами придется закругляться и думать, что делать дальше.

За год с лишним общения с Нелидовым я его хорошо изучила, видела его искренность. В разговоре со мной он постоянно подчеркивал свою ответственность за прошлое: и в годы Гражданской войны, и будучи на службе у фашистской Германии.

– Знаете, – сказал он мне, – я готов понести наказание. Но не думайте, что буду просить о помиловании. Нет, такое не прощается. Даже за давностью лет. Я понимаю, что помилования не будет, меня должны прикончить. Надеюсь, расстреляют, не повесят.

В эту минуту за Нелидовым прибежал запыхавшийся конвоир.

– Прощайте, Зоя Ивановна, – сказал Нелидов упавшим голосом. – Все, что я сделал здесь, в этой комнате, этому можно верить. – Он перекрестился и отвесил низкий поклон...

Через день конвоир снова привел его ко мне. Один из оперуполномоченных явился с чемоданом. Я сказала Нелидову, чтобы он переоделся, и прошла к себе. Через некоторое время оперуполномоченный вошел ко мне в кабинет и доложил, что Нелидов плохо себя чувствует, рыдает и спрашивает, зачем перед смертью его так наряжают.

– Ай-яй-яй, Александр Сергеевич, – сказала я Нелидову. – Как можно так распустить нервы. Они вам еще понадобятся. Я вас должна представить руководству.

И мы пошли с ним к начальнику отдела Павлу Матвеевичу. Разговор был короткий, и вскоре уже втроем мы были у заместителя начальника управления Павла Анатольевича Судоплатова. Затем все вместе у начальника управления Павла Михайловича Фитина. Нелидову предложили перебраться в Турцию, в страну, где он впервые появился два десятка лет назад, а теперь отправится туда в качестве нашего секретного сотрудника. Нелидов развел руками.

– Но прежде меня следует... – он чуть замялся, – подвергнуть... расстрелу...

Фитин сказал:

– Я спрашиваю вашего согласия на работу на нас в Турции. Турция, вы знаете, нейтральна.

– Как прикажете-с.

Я посмотрела на него с укором.

– Как прикажете, – повторил Нелидов.

– Готовьтесь. Вас переведут в гостиницу. Можете днем погулять по Москве, – распорядился Фитин.

Мы вернулись ко мне в кабинет. Александр Сергеевич спросил, почему ему представили всех руководителей разведки «Павлами».

– Это конспирация?

– Нет, действительно так их крестили... Ну, что ж, – добавила я, – а сейчас в «Арагви». Есть такой ресторан, где великолепно готовят шашлык «по-царски».

В ресторане почти все столики пустовали. Сидело лишь несколько офицеров. Я заказала обед. К шашлыку принесли сухое вино. Я приложила пальцы к своему бокалу:

– К сожалению, вина не пью, но говорят, это саперави – вино отличное.

– А вы, может, пригубите?

– Да, – сказала я и отпила маленький глоток, а он каким-то отрешенным взглядом посмотрел на свой бокал.

– Что же вы не пьете? – спросила я. – За успех нашего с вами предприятия!

– Простите, а мы можем поменяться бокалами?

Я поняла его. Решил, что ему дали вино с ядом. Я поменяла бокалы и пригубила.

Он выпил бокал и спросил:

– Когда же за мной придут?

– Но вам ведь зачитали решение о вашем освобождении.

– Но я-то хорошо все понимаю. О каком прощении может идти речь...

Закончив обед, я предложила:

– Хотите, я вам покажу нашу сельскохозяйственную выставку?

Машина шла по улице Горького. Витрины магазинов закладывались мешками с песком. Окна крест-накрест заклеивались белыми полосками. Вооруженные, милиционеры с противогазными сумками через плечо регулировали движение. Посредине улицы следовал целый поезд грузовых машин: эвакуировали музейные ценности.

Сельскохозяйственная выставка еще работала, хотя посетителей было мало, детей не видно совсем. Нелидов с интересом смотрел на хоровод бронзовых красавиц в национальных одеждах, окруживших центральный фонтан, на причудливые здания павильонов.

К вечеру я привезла его в гостиницу «Москва», где для него был заказан номер. На столе лежали свежие газеты, журналы, стоял его чемодан. Я пожелала ему хорошо отдохнуть, чтобы с завтрашнего дня начать готовиться к отъезду.

Но случилось так, что на меня нахлынули совершенно иные обязанности, уехать в не очень отдаленном будущем пришлось и мне, и по указанию руководства я передала Нелидова комиссару Василию Михайловичу Зарубину. Объяснила Нелидову, что уезжаю в командировку и передаю его в руки замечательному человеку, опытнейшему разведчику, моему большому другу...

Я возвратилась в Москву только в 1944 году и, естественно, поинтересовалась судьбой Нелидова. Узнала у Василия Михайловича, что Нелидов никак не мог прийти в себя после крутого поворота в его судьбе. Он давно считал себя обреченным на смерть, а тут неожиданно такое доверие... Он не в состоянии был понять, что же ему делать с дарованной свободой. У него не было семьи, друзей, он свыкся с мыслью, что жизнь его кончена...

Василий Михайлович пришел к Нелидову в гостиницу в тот самый номер, в котором я видалась с ним в последний раз, но не мог достучаться. Пришлось дверь вскрыть. Вошедшие увидели Нелидова мертвым. Скрученный жгутом кусок простыни стал единственным свидетелем приговора, вынесенного себе и свершенного им самим.

Глава 4

Сосновский

Это был ас 2-го разведотдела польского генерального штаба. Его так же, как и Нелидова, Красная Армия выпустила из польской тюрьмы, и затем СМЕРШ, выяснив, что он крупный польский разведчик, работавший в Германии, препроводил в Москву. Я получила указание опросить его и получить полезную для нас информацию.

Надзиратель привел его из внутренней тюрьмы. Высокого роста, спортивного типа человек лет под сорок со светскими манерами. Даже казенное вафельное полотенце было с шиком повязано на шее.

Резидент польской разведки Сосновский много лет жил и работал в Германии. Он был, безусловно, талантливым разведчиком. Великосветский образ жизни позволил ему быть принятым в аристократическом обществе Германии. Он жил на широкую ногу, славился умопомрачительными приемами. В самом Берлине и в окрестностях немецкой столицы у него было несколько вилл, три автомобиля в боксах, расположенных в разных районах, собственная конюшня. Утром его можно было встретить на верховой прогулке в Тиргартене.

Но самым главным его достоянием была агентура, приобретенная им во многих важнейших ведомствах гитлеровской Германии. Шифровальщик генштаба. Машинистка из личной канцелярии Розенберга⁸. Свои люди в Главном управлении имперской безопасности (РСХА), в абвере. Его любовницами были жены крупных чиновников. Вообще агентура его состояла главным образом из женщин.

Начальство из Варшавы не раз предупреждало своего резидента, что его расточительность и разгульная жизнь не вписываются в германский климат военного времени, в котором все подчинено одной идее: «Пушки вместо масла». И неудивительно, что Гиммлер предпринял охоту на этого подозрительного дамского угодника и подсунул ему в качестве «агентов» своих людей.

4 Управление имперской безопасности тщательнейшим образом разработало план облачения всех завербованных этим польским резидентом. И однажды во время очередного бала работники гестапо окружили виллу, и Сосновский был заключен в тюрьму.

Вскоре его в наручниках и кандалах привели на тюремный двор, где он увидел всех своих агентов в таких же наручниках и кандалах. Не было среди них только тех, кого подставило ему ведомство начальника 4 Управления РСХА Мюллера.

На глазах обезумевшего Сосновского его агентам, большинство которых были его любовницы, тут же на тюремном дворе отрубали головы.

«Вас ждет такая же участь», – объявил Соосновскому представитель РСХА.

Полякам удалось обменять Сосновского на двух крупных агентов абвера, но на родине его не встретили с объятиями, а поместили в тюремную камеру, заявив, что за свою разгульную жизнь и гибель ценнейшей агентуры он заплатит сполна...

Нам было важно получить от Сосновского информацию, в особенности касающуюся гитлеровского плана «Дранг нах Остен», позже получившего название «Барбаросса».

Но Сосновский в отличие от Нелидова не был расположен к откровенному разговору. «Мой долг польского патриота не позволяет мне...», – часто приходилось от него слышать.

Тогда условились применить своеобразный розыгрыш, пойти на неотразимую по своей убедительности уловку.

⁸ Альфред Розенберг – бывший глава внешнеполитического отдела национал-социалистской партии, в период войны министр по делам оккупированных восточных территорий.

У советской разведки в самом гестапо был агент, который ведал наружным наблюдением и разработкой связей Сосновского. Все материалы о Сосновском он скрупулезно передавал нам.

Родился любопытный сценарий. Я буду задавать Сосновскому вопросы, а комиссар Зарубин комментировать ответы Сосновского и уличать, если он попытается что-либо скрыть.

– Скажите, как вам удалось завербовать жену ответственного работника министерства иностранных дел и заставить ее передавать вам для фотографирования секретные документы мужа?

– Прошу прощения, но, увы, я этого уже не помню.

Присутствующий здесь же Василий Михайлович Зарубин говорит:

– Могу вам напомнить. Это была довольно хитрая операция. Вы дали объявление в газету: молодой, обаятельный, эрудированный иностранец желает познакомиться с дамой, владеющей французским, английским и другими европейскими языками, с целью приятного времяпрепровождения. Вы получили массу откликов и остановились именно на ней, выяснив, что ее муж, престарелый дипломат, не удовлетворяет ее интеллектуальных и иных потребностей. Вы предложили встретиться с ней, для чего использовали «линкольн», который стоял в боксе у Вайсензее⁹.

У Сосновского округлились глаза...

– Да, все это было именно так.

– Вы встречались с этой дамой, – продолжал комиссар Зарубин, – в специально арендованной для этой цели вилле на Принцальбергштрассе.

Сосновский терял самообладание. Он вытащил из-за пазухи конец вафельного полотенца и вытер взмокшее лицо.

Я продолжала вопросы. К Сосновскому «возвращалась» память. Он стал более определенен в ответах, но Василий Михайлович каждый раз уточнял и неправильно названный адрес, и номер и марку машины, и стоимость балов, которые он задавал, и грандиозные счета в ресторанах, и оплату массажистов, и даже клички лошадей.

Сосновский уже не пользовался полотенцем, он просто ладонями смахивал пот с лица. Затем он встал, поклонился и сказал:

– Я восхищаюсь искусством советской разведки. Вы знаете обо мне больше, чем я сам, и я готов мобилизовать свою память и ответить на все, что вас интересует.

Когда он стал рассказывать о полученной им информации в отношении военных планов Гитлера, мы поняли, что Гиммлер подбрасывал полякам дезинформацию, которая была призвана создать впечатление, будто у Германии нет никаких планов в отношении Востока, в том числе и Польши, что все их помыслы, мол, обращены только на Запад – на Францию и Англию. О том, как фактически развивались события после 1939 года, Сосновский не знал, так как был в заключении, в германской и польской тюрьмах, а затем попал к нам. В течение длительного времени он был в полной изоляции от внешнего мира.

Замечу также, что наш агент, который работал в гестапо, был у нас под вопросом. Через Сосновского мы получили возможность проверить его надежность, и, кроме того, Сосновский дал информацию о разведке Риббентропа и сложных перипетиях в отношении германского министерства иностранных дел с абвером и гестапо. Эти сведения имели для нас особую ценность.

СПРАВКА

⁹ Вайсензее – район в Берлине.

ЗАРУБИН Василий Михайлович (1894–1972) – легендарный советский разведчик, генерал-майор.

Василий Михайлович Зарубин родился 4 февраля 1894 года в городе Подольске Московской области. Свое детство провел на Таганке. В семье вместе с ним было четырнадцать детей.

В. М. Зарубин активный участник Гражданской войны, коммунист с 1918 года. В 1921 году был призван в органы ВЧК, а вскоре переведен на работу в разведку и направлен в Китай под прикрытием сотрудника КВЖД, центр которого находился в Харбине. В Москву вернулся в 1925 году и был направлен на работу в нелегальную разведку. С конца 20-х до конца 30-х годов Василий Михайлович находился на нелегальной работе в регионе Германии, Франции, Дании и Швейцарии. Находясь на нелегальной работе, естественно, имел различные фамилии. В Германии и Франции, например, был чехословацким подданным и именовался как Ярослав Кочек. Имел также фамилию Херберт. Во всяком случае, его сын, родившийся в Париже в 1932 году, был зарегистрирован как Петер Херберт.

Приобретая огромный опыт разведывательной работы, Василий Михайлович Зарубин в 1941 году был назначен резидентом в США, где он находился до 1944 года.

Дважды женат. Первая жена – Ольга Георгиевна Васильева. С ней и маленькой дочерью он находился на работе в Харбине. Разошлись супруги в 1926 году, а в 1929 году Василий Михайлович женился на Елизавете Юльевне Розенцвейг, с которой находился на нелегальной работе и на работе в США, где Елизавета Юльевна проводила работу по добыванию секретной информации, связанной с созданием атомного оружия. Е. Ю. Зарубина была официальным сотрудником разведки в должности начальника отделения.

Глава 5

Постель на взрывчатке

Я уже говорила, что в тот вечер 22 июня 1941 года мы провожали наших детей на Курском вокзале в пионерский лагерь в Осипенко (Бердянск). Бабушки ворчали: «Война началась, а они детей в лагерь отправляют». Отцов на перроне мало – каждый на Лубянке ждал новых заданий. Некоторые мамы тайком смахивали слезы, а одна из них не выдержала, вытащила ревушую девчушку из вагона, приговаривая: «Пошли, пошли домой». Вслед им послышались упреки: «Вот так и рождается паника, вот так и другие, пожалуй, потащат ребят домой».

Сумерки сгустились, стало совсем темно. Свет не зажигался ни на улицах, ни на перроне, ни в вагонах. Поезд, словно нехотя, тронулся, в окнах мелькнули прижатые к стеклам ребячьи носы. Мы вздохнули с облегчением – наши дети уезжали в безопасное место на Азовском море, уж туда гитлеровцам не добраться...

Но первая же ночь в пионерлагере, как мы потом узнали, была для ребят бессонной – Бердянск подвергся фашистской бомбардировке. Днем ребята вместо веселых игр стали копать траншеи. А через несколько дней они уже отправились в обратный путь, который продолжался почти месяц. Поезд по несколько дней стоял на запасных путях и в тупиках, пропуская воинские эшелоны. Грязных, голодных, измученных ребят пионервожатые привезли в Москву и сдали родителям. И ни одного больного, ни одного раненого или «пропавшего без вести»...

Вот уже более ста дней никто из нас не заглядывал домой. Квартиры пустые, семьи эвакуированы. Мы, сотрудники Особой группы, созданной в конце 1941 года по указанию ЦК партии, занимаемся отбором, организацией, обучением и переброской в тыл врага диверсионных и разведывательных групп.

В кабинетах на Лубянке (а их в распоряжении Особой группы много, основной состав сотрудников эвакуирован) в одних сейфах револьверы и патроны, наручные часы, компасы, в других – партийные и комсомольские билеты, списки отправленных в тыл, их «легенды». На полу – ящики с патронами. Толовые шашки, бикфордовы шнуры. Бутылки с зажигательной смесью.

Каждый из работников Особой группы, на основе которой была создана Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН), тоже готовился к тому, чтобы в любой момент направиться в тыл врага. Готовилась к этому и я. Разучивала свою роль сторожики на переезде у маленькой железнодорожной станции.

В те дни активно работала творческая изобретательская мысль. Радисты-коротковолновики делали расчеты, как сдвинуть радиоволны советских передач, своего рода радиомаяки, чтобы дезориентировать гитлеровскую авиацию, заставить бомбардировщики сбрасывать бомбы в открытое поле, а не на города, не на Москву. В Наркомате пищевой промышленности разработали рецепты горючих смесей для зажигательных бутылок. Кондитеры и пивовары вместе с пиротехниками изготовили сотни тысяч зажигательных бутылок – этого эффективного оружия против фашистских танков, заменявшего противотанковые ружья.

По ночам мы выезжали в парки, леса, совхозы, далеко за Москву, и закапывали под кустарниками ящики с толовыми шашками, патронами, оружием, бутылками. Наносили эти места на карты, делали записи. Много потом пригодилось боевым группам.

В утренние часы я отправлялась в ЦК ВЛКСМ – здесь у нас штаб, затем на учебное стрельбище в Мытищи, на аэродром или к подопечным домой. Во время воздушных тревог – а с 22 июля они были ежедневные – в бомбоубежище. В нем и спали. Под головой вместо

подушки противогаз, вместо матраца – голые доски, но засыпали моментально. Час-другой – и снова за работу.

Одни группы предназначены для подрывной работы на железных дорогах по уничтожению живой силы и техники врага, они сбрасываются на парашютах в леса, другие, – разведывательные – должны осесть в городах. Для каждой группы своя легенда, своя программа действий. Разведгруппа – это почти всегда семья: дед, бабка, внук или внучка. «Дед» – руководитель группы, «бабка» – его заместитель, «внук» или «внучка» – радист-шифровальщик.

Деды и бабушки – старые большевики, лет под шестьдесят и старше, с огромным опытом подпольной работы и партизанской борьбы во время Гражданской войны. По возрасту и состоянию здоровья они освобождены от военной службы, должны ехать в эвакуацию с семьями, но наотрез отказались. Только на фронт, на передовую или в партизанский отряд. Появились у нас и «испанцы» – бойцы различных родов войск, участники сражений в республиканской Испании, члены интернациональных бригад.

...Полковник нашей службы Георгий Иванович Мордвинов¹⁰ отбирал людей из «старой гвардии». Мордвинов – человек легендарного мужества и отваги, бывший командир крупного партизанского соединения в Приамурье. Он закончил Институт востоковедения, китаист. Дважды его приговаривали к смертной казни.

Первый раз попал в плен к японцам, второй раз, уже будучи разведчиком, «провалился» в одной из европейских стран. Оба раза сумел выскользнуть из рук вражеских контрразведок.

Я работала в паре с Георгием Ивановичем, мы подбирали для его «стариков» дочек, внуков, других помощников.

Как-то раз он решил поехать к себе домой на Беговую улицу, чтобы сменить застиранную рубашку. Свою квартиру он отдал под склад обмундирования, боеприпасов, пустых бутылок (для «зажигалок»). В тот день бутылки как раз должны были завезти.

К вечеру я вернулась на Лубянку, Георгия Ивановича не было. Не пришел он и позже, когда прозвучал отбой тревоги. Я решила поехать на Беговую, чтобы выяснить, не случилось ли с ним что-нибудь, тот район гитлеровцы как раз и бомбили.

Каково же было мое удивление, когда, открыв незапертую дверь в его домик, я увидела его спящим на лежанке, сооруженной... из толковых шашек. Присмотревшись, увидела, что он жив, дышит. Поняла, что ночью он занимался разгрузкой, а так как спал не более двух-трех часов в сутки, то, смертельно усталый, повалился на взрывчатку и заснул... Подумать только, какой опасности он подвергался!

Я растолкала его, и мы поехали в подмосковный совхоз закапывать очередную порцию боеприпасов.

...Большая личная дружба связывала меня с Анатолием Шубиным, сибиряком, в прошлом – погонщиком собачьих упряжек, знатоком сибирской тайги и тундры. По профессии он автомеханик.

Одним из первых был сброшен на парашюте в тыл врага. Впоследствии еще четыре раза переходил фронт с боевыми заданиями – и на парашюте, и на лыжах, и пешком с клюкой, заgrimированный под старика. Он был великолепным связником с партизанскими отрядами. Был такой случай: он наткнулся на подбитую немецкую танкетку, сумел исправить, и партизаны успешно использовали ее в своих боевых действиях.

После войны мы семьями подружились с Шубиными – Анатолием Евдокимовичем и его женой Ниной Алексеевной. Каждый раз в День Победы, после встречи у Большого театра, в крохотную квартиру Шубиных набивались партизаны. Нина готовила к этому дню знаменитые сибирские пельмени.

¹⁰ Подробнее о Мордвинове см. в Приложении.

Анатолий Евдокимович умер от рака крови. Нина Алексеевна посвятила себя общественной работе, возглавила совет партизанских вдов и до сих пор держит связь с бывшими партизанами, помогает чем может им и их семьям.

СПРАВКА

ШУБИН Анатолий Евдокимович (1911–1975) – участник Великой Отечественной войны, партизан-динамовец.

До войны А. Е. Шубин, по профессии автомеханик, спортсмен-мотогонщик, неоднократно участвовал в полярных экспедициях в Арктике, на острове Врангеля, на Чукотке. В экспедиции на острове Врангеля работал вместе с Леонидом Васильевичем Громовым.

В годы войны Анатолий Шубин воевал на фронте и в тылу врага. Был командиром взвода танкеток. В тылу врага воевал в составе партизанского отряда, который возглавлял будущий Герой Советского Союза Анисим Ильич Воропаев. Был в этом отряде минером, механиком и разведчиком. В то же время в северо-западном районе Смоленской области в партизанском соединении под командованием Бати воевал в качестве его начальника штаба Л. В. Громов.

Леонид Васильевич Громов родился в Симбирске, геолог. Первый «губернатор» острова Врангеля. Первооткрыватель в тех местах, считавшихся бесплодными, рудных ископаемых. Началась война. Леонид Васильевич от эвакуации отказался, жену и трех малолетних детей отправил в Сибирь. Решил идти на фронт, хотя уже перешагнул призывной возраст. О настырном геологе нам сообщили из военкомата.

В беседе со мной Громов дал согласие направиться в качестве начальника штаба в партизанское соединение. Как известно, это партизанское формирование очистило от немецких захватчиков значительный район на Смоленщине. В нем восстановили советскую власть, создали школу и больницу, колхозы исправно вносили продналог, в дни 1 мая и 7 ноября устраивали парады и демонстрации. Охраняли и оберегали эту землю до прихода Красной Армии.

В послевоенные годы Громов возглавил одну из кафедр Геологического института в Москве. Свою богатейшую коллекцию минералов он передал городу Ульяновску¹¹.

...Ночью, когда прозвучал отбой воздушной тревоги, мы провожали в тыл две группы. Одну возглавлял Бойко-Павлов, другую – Флегонтов. Оба с большим опытом партизанской борьбы на Дальнем Востоке. Я принимаю на хранение их партийные билеты.

В Гражданскую войну Флегонтов, кавалерист, был командиром партизанского отряда. Сейчас возглавил группу конников, пробрался с ними через линию фронта на Смоленщину, провел ряд дерзких операций. Был ранен, вывезен на Большую землю, а затем по выздоровлении – снова в бой. Во время второго рейда на фашистский гарнизон под Минском Флегонтов вместе с конем был сражен вражеским снарядом. Похоронен там же в деревне. Школьники – красные следопыты создали в этой деревне музей его памяти.

Когда партбилеты записывались в ведомости, и старые, и молодые коммунисты диктовали их номера по памяти. Чекисту-разведчику Василию Ивановичу Пудину это спасло жизнь. Напоровшись на мину при переходе линии фронта, из его группы в три человека остался в живых он один, и то с оторванной ступней. Его подобрала белорусская колхозница, ночью перетащила к себе в хату (район был оккупирован гитлеровцами) и затем помогла связаться с партизанами. Пудин просил сообщить о нем в Москву. Москва ответила, что будет выслан самолет с посадкой на партизанском аэродроме, но как этот человек может доказать, что он действительно полковник Пудин? Василий Павлович сообщил номер своего партбилета, сданного на хранение в ЦК партии.

¹¹ Подробнее о Л. В. Громове см. в Приложении.

...Одним из организаторов Особой группы и ОМСБОНа стал наш опытный кадровый разведчик Андрей. Под этим именем работал Павел Судоплатов. Впервые я встретила с П. А. Судоплатовым в 1936 году в Финляндии. Наша резидентура – ее возглавлял Борис Аркадьевич Рыбкин (Кин) – получила задание установить связь с неким разведчиком, нелегально переброшенным через финляндскую границу. В телеграмме Центра указывались место встречи и пароль. Кто скрывался под именем Андрей, ни я, ни Кин, разумеется, не знали.

В назначенный час мы с Кином выехали на окраину Хельсинки и увидели на высокой деревянной перекладине, огораживавшей дорогу, молодого человека в обычном затрапезном костюме. Он сидел и беспечно болтал ногами. Ветер трепал его густые темные волосы. Мне он был незнаком, и я забеспокоилась – почему именно здесь, на обусловленном месте встречи, оказался подозрительный субъект. Кин, который вел машину, усмехнулся, сделал незнакомцу упреждающий знак рукой: «Оставайся на месте!» – и мы поехали дальше. Спустившись в долину, Кин повернул машину и сказал мне; «Это и есть Андрей. Я его знаю по Лубянке. Мы с ним не раз бывали на инструктивных докладах для лекторов по международному положению...»

Машина снова пошла в гору. Андрей уже прохаживался вдоль перекладины на обочине, Кин притормозил и произнес пароль, хотя оба узнали друг друга и обменялись улыбками. Получил отзыв. Еще пароль, контрольный.

Место было пустынное. Обзор хороший.

– Быстро в машину, – скомандовал Кин Андрею и велел мне пересест на заднее сиденье.

– В случае чего, – добавил Кин, – можешь обнять мою жену, чтобы скрыть свою физиономию.

– У меня времени в обрез, – Андрей явно торопился. – Сообщите в Москву. Прибыл нормально. Остановился на жительство у Павло. Имейте в виду, я для Павло представляю украинское националистическое подполье. О моей фактической роли Павло знать не должен. Так решил Центр.

Кин повернул машину на лесную дорогу.

– Здесь, Андрей, я вас выброшу. Пойдете по этой дороге до трамвайной остановки...

– А далее везде, – сыронизировал Андрей.

– Следующая встреча, основательный разговор, в пятницу. Заберем на том же месте. А пока осваивайтесь с городом и окрестностями. Присмотритесь получше к Павло, он наш, постарайтесь с ним подружиться.

Кин остановил машину.

– Итак, до встречи!

Сидя в машине, я присматривалась к нашему новому подопечному. Меня поразила кожа на его лице и шее. Красная, бугристая. Заплывшие глаза. Андрей заметил мое недоумение и пояснил, что двое суток, пока он пробирался через болота и озера, его пожирало комарье. Я вынула из сумки флакончик с гвоздичным маслом. Летом комары в Финляндии действительно одолевают нещадно...

Андрей имел задание Центра внедриться в руководство ОУНа (Организация украинских националистов) в качестве эмигранта «из Совдепии». Ему следовало выявить Антисоветские планы ОУН, ее связи с иностранными разведками, агентуру и диверсантов на Украине. И главное, расколоть Провод – верховную власть этой организации.

Встречались с Андреем мы обычно в лесу под Хельсинки, забирали его в машину, я его кормила всякой домашней вкуснятиной. Он был всегда голодный: немудрено, жил на скудное оуновское пособие. На закуску он тут же в машине получал любимое лакомство – плитку шоколада с калеными орехами. За это благо ему приходилось немедленно расплачиваться.

Шоколад был швейцарский, пахучий, каленые орехи тоже. Поэтому я заставляла Андрея заедать шоколад чесноком или луком. А он не выносил ни того, ни другого, но вынужден был покоряться вдобавок потом дыхнуть...

Фигура Андрея в нашей разведке уникальная и требует специального обстоятельного рассказа.

Задание Центра Андрей выполнил блистательно. Он завоевал расположение руководителя Провода – галичанина, бывшего полковника австро-венгерской разведки, действовавшего под началом адмирала Канариса, шефа абвера.

В Финляндии представителем ОУНа был наш агент Павло, человек-легенда. Он очень много сделал в нашей разведке, сыграл большую роль в установлении Андреем связей с филиалом ОУНа в Париже, Берлине и Вене.

Пришло время, и Андрей по предложению Провода должен был вернуться на Украину, чтобы там в условиях подполья продолжить нелегальную ОУНовскую деятельность. Сопровождать Андрея до финляндско-советской границы Провод поручил полковнику петлюровской армии Роману Сушко.

...Помню день, когда мы сидели с Андреем в овраге – он только что приехал из Парижа в Хельсинки – и обдумывали, почему именно Сушко, мужчина в возрасте, взялся сопровождать до границы молодого сильного парня. Советской закордонной разведке Сушко был хорошо известен как специалист по диверсиям и террору. Это он, Сушко, был одним из организаторов крупной диверсии в 1921 году, когда с территории Польши на Украину была перебросена группа в три тысячи сабель под командованием генерал-хорунжего Юрко Тютюнника, полковника Романа Сушко и полковника Отмарштейна. Вот этого-то Отмарштейна полковник Сушко и убил, после того как их зловеющая диверсионная затея провалилась.

Андрей поразил нас зрелостью и дальновидностью своих суждений.

– Очень возможно, – сказал он, – Сушко и его группа решили меня уничтожить. Считают меня виновником раздора в руководстве Провода. От них всякого можно ждать. Ведь мы затеяли большую и важную игру, из которой должны выйти победителями. Обязательно победителями. Поэтому, дорогие мои друзья, – Андрей обнял Кина и меня, – если я по дороге домой пропаду, надо во что бы то ни стало выяснить, что произошло. Утонуть я не могу, плавая в любое время года в любом озере и море... Я заставлю Сушко идти впереди меня, он будет у меня ведущим. Вступить в драку со мной он не посмеет. Я его одолею. Но... меня или нас обоих может в этой глухомани задрать медведь, загрызть волк, засосать болото... В конце концов, не исключено, что запросто финская погранстража пристрелит. Если Сушко меня убьет, мы проиграли. Во всех других случаях после моей гибели игру надо продолжать, послать другого оперативника...

Андрей ушел в сопровождении Сушко. Об этом нам дал знать Павло. Мы полагали, что через пару дней получим телеграмму о его прибытии.

Прошло три, четыре, пять дней – ни слуху, ни духу. Несколько суток ждали его на нашей границе. Выстрелов на финляндской границе не зафиксировали. Что же стряслось?

В Центре пришли к выводу, что Андрей погиб. Но как погиб? Оставаться в неведении было нельзя, и нам предлагалось принять все меры для выяснения обстоятельств его гибели.

Выход мы видели только в одном: рассекретить Андрея перед Павло и включить Павло в поиск. Так и сделали. Павло сказал, что никогда не сомневался в Андрее, «печенкой чувствовал – наш, просто влюблен в него». Через Павло стало известно, что Андрея задержала финляндская погранохрана и он водворен в тюрьму. Наша телеграмма в Центр начиналась словами: «Счастливы сообщить Андрей жив – здоров, находится в финской тюрьме. Руководство ОУН принимает меры к его освобождению...»

Вскоре Андрей был освобожден и продолжал действовать по своей «легенде».

...В жгучие июльские дни сорок первого по Маросейке, на углу которой находится здание ЦК ВЛКСМ, вытягивалась по тротуару нескончаемая очередь молодежи, главным образом из не достигших призывного возраста. Было среди них много и девушек. Все они требовали немедленной посылки на фронт, и только на передовую.

Я отбирала из этих ребят радистов, переводчиков со знанием немецкого языка, парашютистов, лыжников, «ворошиловских стрелков» и включала в наши группы, которые именовались «Смерть немецким захватчикам».

Глава 6

В храме Божьем

Мы встретились с Василием Михайловичем в кабинете райвоенкома. Я уже знала, что в военкомат обратился епископ Василий, Василий Михайлович Ратмиров, с просьбой направить его на фронт, чтобы «послужить Отечеству и защитить от фашистских супостатов православную церковь».

Я пригласила епископа к себе на квартиру. Беседовали несколько часов. Василий Михайлович рассказал, что принадлежал к «обновленческой» церкви, но разочаровался в ней и в 1939 году ушел на пенсию. Сейчас ему 54 года. В связи с тяжелым положением в стране он обратился к Патриаршему местоблюстителю митрополиту Сергию принять его обратно в лоно церкви и простить его «обновленческий» грех.

Митрополит понял благие намерения владыки Василия и назначил его Житомирским епископом. Но Житомир вскоре был занят немецкими оккупантами, и тогда его назначили епископом в Калинин. Он рвался на фронт и потому обратился в райвоенкомат.

Я спросила его, согласится ли он взять под свою опеку двух разведчиков, которые не помешают ему выполнять долг архипастыря, а он «прикроет» их своим саном. Василий Михайлович не сразу согласился, подробно расспрашивал, чем они будут заниматься и не осквернят ли храм Божий кровопролитием. Я заверила его, что эти люди будут вести тайные наблюдения за врагом, военными объектами, передвижением войсковых частей, выявлять засылаемых к нам в тыл шпионов.

Епископ согласился.

– Если это дело серьезное, я готов служить Отчизне.

– В качестве кого вы сможете их «прикрыть»?

– В качестве моих помощников. Но для этого им надо основательно подготовиться.

Мы договорились, что я доложу руководству и на следующий день встретимся.

Я предложила начальству кандидатуру комсомольца-радиста, которого отобрала в ЦК комсомола. А руководителем группы назначили подполковника нашей службы Василия Михайловича Иванова, по имени и отчеству тезку епископа. Владыку Василия с его будущими помощниками знакомила каждого в отдельности. Подполковник епископу пришелся по душе, что же касается комсомольца-радиста (не помню его фамилии), то епископ в нем усомнился и для начала поручил ему выучить хотя бы молитву «Отче наш». Комсомолец вел себя довольно развязно, но я знала, что он первоклассный радист, и надеялась на его благоразумие.

К сожалению, парень оказался легкомысленным и на вопрос владыки, выучил ли он молитву, бойко ответил: «Отче наш, блины мажь. Иже еси – блины на стол неси...» – и нечто непотребное в том же духе.

– Хватит, – остановил его епископ. – Считайте себя свободным.

А мне сказал, что такого несерьезного человека взять с собой не может. Я и сама поняла это.

Посоветовались с руководством и решили выделить в добор в разведгруппу нашего кадрового работника Ивана Васильевича Куликова.

Глава 7

По баренцеву морю

Предстояла разлука с мужем. Борис Аркадьевич направлялся советником посольства в Швецию¹².

Накануне его отъезда все перевернулось в моей судьбе. Меня вызвал нарком и спросил, чем занимаюсь. Я сказала, что готовлюсь идти работать в тыл. «В качестве кого?» – «Железнодорожной сторожихой на переезде». Нарком рассмеялся. «Немцы такую сторожиху арестуют и расстреляют. Ехать вам надо в Швецию».

Это было в один из октябрьских дней 1941 года, когда враг рвался к Москве. Александра Михайловна Коллонтай, под руководством которой мне довелось работать раньше, запросила Наркомат иностранных дел направить и меня в Стокгольм в качестве пресс-атташе посольства.

Пришлось сдавать дела.

Взвалив на спину рюкзак с партбилетами, я иду в ЦК партии, в учетный отдел к товарищу Воробьевой. Выкладываю партбилеты на стол, и этот милый старый товарищ сверяет билеты с ведомостью. Кончится война, и к ней придут за своими партбилетами. Многие погибли в боях с фашистами, некоторые, попав в плен, последуют примеру генерала Карбышева – станут бойцами движения Сопротивления. На многих партбилетах рукой Воробьевой будет написано: «Погиб в бою с фашистскими захватчиками», но ни на одном партбилете бойца ОМСБОНа не потребуется написать: «Проявил малодушие», «Перебежал на сторону врага». Таких не было. Так, Лазарь Паперный, бывший рабочий московского часового завода, спортсмен-лыжник, был направлен с заданием в тыл врага и напоролся со своей группой на немецкую засаду. В бою погибли все двадцать три его бойца. Поняв свое безвыходное положение, Паперный выдернул чеку и бросил гранату себе под ноги. Взорвал себя и окруживших его гитлеровцев; Бойцы группы Паперного были посмертно награждены орденом Ленина, а Лазарь Паперный удостоен звания Героя Советского Союза. Бойцы ОМСБОНа в плен не сдавались.

СПРАВКА

ОМСБОН – отдельная мотострелковая бригада особого назначения, в состав которой входили спортсмены-динамовцы – солдаты и офицеры органов государственной безопасности и внутренних дел. ОМСБОН был создан с началом Великой Отечественной войны, и его члены, сформированные в небольшие мобильные отряды численностью от десяти до тридцати человек, показали пример мужества и героизма в партизанских отрядах и во вражеском тылу. Достаточно назвать имя Одного члена ОМСБОНа – Николая Кузнецова – и читателю станет ясен характер и содержание этой организации.

Московский стадион «Динамо» явился тем местом, где впервые были сформированы боевые группы ОМСБОНа, куда завозилось снаряжение и необходимое вооружение для новых групп, постоянно уходивших отсюда в тыл врага. На «Динамо» до сих пор, через 50 лет, собираются ветераны ОМСБОНа.

Через несколько дней мы вдвоем уже летели на «уточке» (У-2) в Архангельск. Самолет шел низко над ржаво-бурыми осенними кронами деревьев. Вечернее небо с угасающей зарей было слюдянисто-серое. Мы летели с юга на север, а с северо-запада на нас шла темная гремящая туча. Это была армада фашистских бомбардировщиков. Черные зловещие машины

¹² До 1947 г. отношения СССР со Швецией поддерживались на уровне миссий. Но в 1943 г. А. М. Коллонтай был присвоен ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР. Поэтому я и называю миссию посольством.

в несколько ярусов прошли над нами, и наш самолет совсем вжался в лесную чащобу. В страшном грохоте мы не слышали друг друга, но понимали: враг летит бомбить Москву. На востоке всплеснулась и запульсировала огневая щетка противовоздушной обороны.

В Архангельске наш самолет долго кружил над аэродромом, где пылали костры, – немцы здесь только что «отбомбились». В городе темным-темно. Идем, вытянув вперед руки, натыкаемся на прохожих, спрашиваем, как пройти до гостиницы.

Утром мы в английской военной миссии. Борис Аркадьевич предъявляет дипломатические паспорта и спрашивает, есть ли возможность в ближайшее время лететь или плыть в Англию. Английский капитан учтив и вежлив:

– Вы прибыли вовремя. Завтра утром в Великобританию летит «Каталина».

– Летающая лодка? – со знанием дела осведомляется муж.

– Да, да, и вам мы можем предоставить одно место.

– Но нас двое.

Английский офицер разводит руками:

– Но «Каталина» – военный корабль, и для того чтобы занять в нем место, женщина должна быть королевой.

– Как же быть?

– Не беспокойтесь. Через двадцать четыре часа вы будете в Шотландии, а мадам через несколько дней отправится пароходом, который возвращается в Англию. Но это займет, конечно, длительное время. – Что-то похожее на снисходительную улыбку появилось на лице офицера. – На днях в Скапа-Флоу отправится наш пароход, он гражданский, пассажирский, мадам будет предоставлено место.

Утром на следующий день муж улетел. На душе у обоих было тревожно! Муж пробовал шутить: «Не огорчайся и знай, что для меня ты всегда королева. До скорой встречи!»

...В Швеции я бывала и раньше. Путь из Москвы до Стокгольма на самолете занимал тогда что-то около шести часов. Сейчас, во время войны, Швеция, объявившая о своем нейтралитете, оказалась в кольце: со стороны Балтийского моря – фашистская Германия и оккупированные ею Польша, Дания и Нидерланды; с северо-запада – оккупированная Норвегия и с северо-востока – выступившая на стороне Германии против Советского Союза Финляндия.

Самый короткий путь в Швецию теперь был по Баренцеву морю в Англию и оттуда самолетом через Северное море и Норвегию.

...Я получила каюту на большом пассажирском пароходе, который привез в Советский Союз английскую экономическую делегацию и увозил в Англию польских офицеров, бывших у нас в плену.

Пароход принял на борт пассажиров и вышел в море, чтобы стать на рейд. Простояли на рейде несколько суток – ждали «погоды», а она должна быть дождливой, туманной или штормовой, чтобы шансы на успех немецких подводных лодок и авиации были наименьшими.

На седьмой день, когда над морем навис туман, тронулись в путь. Каждое утро в семь часов раздавался сигнальный свисток и над головой топот ног. Двести офицеров-поляков выходили на палубу и занимались зарядкой.

Море было серое, неприветливое, довольно бурное, качало основательно. Так прошел второй день нашего путешествия.

Я оказалась в кают-компании вместе с капитаном и его помощниками, а также несколькими министрами, назначенными в состав польского эмигрантского правительства в Лондоне.

Моим соседом по столу оказался словоохотливый старичок, министр земледелия, отлично говоривший по-русски. Он ежеминутно уверял, что влюблен в море и нет большей

радости для него, чем встреча с морем. «Оно напоминает мне пашню, а корабль – пахаря, – говорил он с пафосом. – После войны и нашей победы мы сделаем большую работу по демократизации нашей страны. Я даже за ликвидацию помещичьих хозяйств, землю надо раздать крестьянам. Но я противник вашей коллективизации, – продолжал он. – Коллективизация – это техника, тракторы, гарь, это химические удобрения, а земля приемлет только натуральное удобрение – навоз, который дают коровы и лошади. Долой химию и технику, да здравствует живая лошадиная сила и коровий навоз!» – восклицал он, щелкая пальцами.

На третий день в небе появились зловещие силуэты самолетов. Наш пароход оцепенел десятком зенитных пушек и пулеметов, которые безостановочно взметали в небо огненные стрелы. Трассирующие пули прошивали яркими стежками темнеющее небо. Однако ни один самолет не был сбит. Вот от самолета отделилась тяжелая темная капля и понеслась вниз. Чмокнула в бурные волны, вздыбила фонтан воды. Издали казалось, что на раскаленную сковородку разбили яйцо и оно зашипело в кипящем жиру.

Мы собрались в кают-компанию и слушали эти всплески, заглушающие треск пулеметов. Мой новый знакомый министр земледелия сидел и, сложив руки, читал какую-то молитву по-польски. Люди мрачно прислушивались, все в напряжении, в ожидании. «Справа по курсу. Слева по курсу», – определял взрыв бомб полковник, возглавлявший отряд польских офицеров. Не скрою, мне было страшно. До этого я пережила много бомбежек, но на земле. А когда под ногами бездна...

Однажды около пяти часов вечера бомбежка была особенно интенсивной, над нами летали два или три самолета. Традиционный файф-о-клок – пятичасовой чай – на столе не появился. В кают-компанию вошел помощник капитана, и, увидев наше угнетенное состояние, воскликнул: «Как, уже семнадцать ноль пять, а чай еще не сервирован?» И, вызвав стюарда, приказал накрыть столы. В это время где-то поблизости грохнул взрыв, заглушая треск орудий. Помощник капитана весело рассмеялся и сказал: «О, эти асы сбрасывают свой груз в море, чтобы доложить командованию, что они потопили несколько наших кораблей. Они слишком высоко летают, и шансы попасть в цель равны один к ста. Я вам сейчас продемонстрирую». Он отщипнул от своей булочки кусочек, скатал горошину, положил на пол маленькую плоскую зажигалку, высоко поднял руку, прицелился, разжал пальцы. Горошина упала далеко от цели. «А они летают намного выше, чем я показал, – добавил он. – Поупражняйтесь, и вы поймете, что можете с аппетитом выпить прекрасный чай со свежим кексом». И он стал разливать чай, приглашая к столу.

Через несколько дней дежурные налеты фашистских бомбардировщиков прекратились. Наш пароход, не получив никаких повреждений, двигался к месту назначения. Мы стали чаще выходить на палубу. Светило солнце. Большие стаи касаток, обгоняя пароход, резвились, высоко выбрасываясь из воды. Свободные от вахты моряки с увлечением бросали им кусочки хлеба и объясняли мне, что дельфины прокладывают курс кораблю, умело обходя мины.

Так мы «шлепали» по Баренцеву морю больше недели и, наконец, вошли в бухту Скапа-Флоу, расположенную на Оркнейских островах. Это главная операционная военно-морская база флота Великобритании – английский Кронштадт.

Неба не видно: колышутся воздушные заградительные аэростаты, серые, под цвет воды. На фоне вечерней зари из моря вырастали причудливые силуэты гор, окружающих бухту.

В круглой бухте множество военных и вспомогательных судов, буксиров, катеров. Среди них, как сигары в пепельнице, торчат разных размеров корабли. Кормами вверх. Штук шесть-семь. Это я видела собственными глазами и вспомнила, что в печати было сообщение о том, что германская подводная лодка, пройдя под минные заграждения, ворвалась в бухту, выпустила торпеды, потопила эсминца. Но я вижу, что не один корабль зарылся носом в воду.

Я распрощалась с капитаном, командой. Меня и польских министров на катере в сопровождении морских офицеров доставили на материк. Затем на разбитом грязном автобусе, словно побывавшем в боях, двинулись по раскисшей дороге. С фанерных щитов на оконных проемах, обклеенных плакатами, смотрели строгие глаза, а из раскрытого рта вылетали строчки: «Молчи, тебя слушает враг!», «Враг рядом с тобой, помни!». Стало жутковато.

Уже совсем развиднелось, автобус вырвался из распадка гор в долину. Пологие склоны гор во многих местах были густо засыпаны серыми валунами. Мне даже показалось, что они шевелятся. Старичок министр, сидевший рядом, пояснил: «Это отары знаменитых шотландских овец. Когда-то они сделали Англию богатой. Недаром спикер в парламенте и сейчас занимает свое высокое место, сидя на мешке, набитом овечьей шерстью».

Горы оборвались внезапно, и открылось море – хмурое, мглистое. Дорога шла теперь вдоль морского берега. Потянулись длинные сельские улицы с серыми каменными домами, обнесенными низкими оградами. Время от времени возникали островерхие крыши и за зубчатыми стенами высокие башни старинных замков.

Но вот автобус остановился, пропуская оркестр, наигрывавший на длинных волынках какой-то бравурный мотив. За оркестром шли шотландские солдаты в коротких клетчатых юбках, запахнутых и застегнутых на бедре огромной английской булавкой. Короткие куртки, на голове шапочки с перьями, через плечо, как скатка шинели, свернутый клетчатый плед и на ремне – автомат.

Въехали в Эдинбург, столицу Шотландии. Город-парк, город-музей древней и современной причудливой архитектуры, с балконами, выступами, башенками, колоннами по одной стороне улицы, а по другую сторону – парк с памятниками, фонтанами.

Автобус остановился у какой-то замысловатой башни. Многоярусные готические ниши с орнаментами, фресками и шпильями над ними. Все устремилось ввысь, и сооружение кажется кружевным, легким, летящим. Под нижними сводами беломраморная фигура пожилого мужчины с мудрым лицом, сидящего в глубоком раздумье. Это памятник писателю Вальтеру Скотту. Вот он, поэт и романист, волнующий и сегодня души молодых и взрослых. И рядом с грандиозным монументом Скотту – скромный памятник его современнику, величайшему поэту Шотландии Роберту Бернсу, прожившему, как и Пушкин, всего тридцать семь лет, но оставившему человечеству богатое поэтическое наследство.

Следов войны в городе не видно. Разве только на клумбах вместо роз пожухлая картофельная ботва, кочерыжка от капусты и многочисленные плакаты на щитах: «Копай ради победы!», а на стенах знакомые уже: «Молчи, тебя слушает враг!»

Переночевала в гостинице при Северобританском вокзале, где было сыро и даже в шубе холодно. Чаю не было, грызла галеты, запивала ледяной водой.

В ресторане тоже холодно, дымно от табака. Зал с витражами и лепными украшениями заполнен офицерами, среди них молодые женщины в мундирах, но, в отличие от мужчин, они сидели в пилотках.

Подошли два офицера: один в английской, другой в шотландской форме, но не в юбке, а в длинных ярких клетчатых брюках. Официантка в палувоенной-полуспортивной одежде принесла по мисочке супа и на крохотной тарелке жаркое: кусочек консервированного мяса, листок серой тушеной капусты и одна картофелина в мундире. Потом подала большой чайник, розетку с горкой сахарного песка и одну чайную ложку. Я шепнула ей, что она забыла подать чайные ложки. «Забыла? – изумилась официантка. – Миссис, наверное, иностранка и не знает, что у нас весь металл идет на нужды фронта и мы подаем только одну ложечку на столик».

Шотландский офицер, сидевший рядом, протянул мне ложечку. «Остальные пять ложечек перекованы на снаряды против Гитлера, миссис, – улыбнулся он и пододвинул мне розетку. – Я отказываюсь от своей порции в вашу пользу». Английский офицер поступил

так же. Мне осталось их поблагодарить. «Сенк ю вери мач!» – «Вы иностранка, миссис?» – спросил шотландец. «Да, я из Советского Союза» – «Из Москвы?» – «Из самой» – «О, русские изумляют мир. Поздравляю вас!» – сказал шотландец, встав из-за стола.

Глава 8

Тот самый Ллойд Джордж

Утром поездом выехала в Лондон. В вагоне разноязычный говор, улавливаю – плохо с продовольствием. Нет топлива. Но главная тема все же – прорыв гитлеровских войск к Москве. Отчаянные споры – отстоят ли русские свою столицу? Я заставляю себя не ввязываться в дискуссию. Мой английский язык слишком беден для полемики. Весь путь до Лондона провела в вагоне, как глухонемая.

В Лондоне еду на такси в наше посольство. Глядя по сторонам, холодею от ужаса – деловой центр города, Сити, изуродован, искалечен. Каменные основания зданий, построенных на века, все же устояли под натиском гитлеровской авиации, но повсюду горы бесформенных глыб мрамора, скрюченных железных балок. И над всем этим хаосом возвышается собор Святого Павла с зияющей пробоиной на куполе. Улицы тем не менее расчищены, и девушки в защитных комбинезонах и кокетливо надвинутых на лоб пилотках тащат на тросах аэроостаты.

Шофер такси, поняв по адресу, который я назвала, что я советская, на прощанье сказал: «Мы молимся Богу за победу русских, иначе гитлеровцы ковенстрировали бы весь наш великий остров». Это был новый глагол в английском языке, возникший после варварского уничтожения гитлеровцами города Ковентри.

С сильно бьющимся сердцем поднималась я по ступенькам нашего посольства в Лондоне – что-то ждет меня там? Долетел ли муж? А если долетел, то почему не встретил на вокзале? Ведь в посольстве о прибытии парохода должны были знать. Что с Москвой? И горячие споры пассажиров в поезде, и газетные афиши на стендах: «Бой за Москву», «Гитлер назначил парад в Москве»... Как все это понимать? Как добрались до Ижевска мама с Володей? Эти вопросы жгли сердце.

Первый, кого я увидела в вестибюле, был наш старый друг Иван Андреевич Чичаев.

НЕБОЛЬШОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

«Моим «крестным отцом» в разведке, – пишет Зоя Ивановна, – был полковник Иван Андреевич Чичаев, проработавший в ней всю жизнь».

В годы войны полковник И. А. Чичаев находился в Англии и выполнял координационную функцию между внешней разведкой СССР и спецслужбами англо-американских союзников.

Год 1930-й. Харбин. Летняя влажная духота окутала многочисленные магазинчики и торговые лавочки, разбросанные по всему городу среди значительного количества небольших мукомольных и маслоделающих предприятий, сделала вялыми прохожих, среди которых большинство европейцев.

Харбин – центр богатой сельскохозяйственной и лесопромысловой провинции Хэйлунцзян в северо-восточной части Китая на реке Сунгари, притоке Амура. Сунгари около Харбина очень широкая, мутная, с большим количеством небольших и совсем крошечных островков. В то время по берегам реки еще кое-где можно было видеть ядовитые, как будто полыхающие, опийно-маковые плантации. Это сейчас в Харбине более двух миллионов жителей. А тогда, в 1930 году, население Харбина едва достигало пятидесяти тысяч.

Возник Харбин в 1898 году на месте небольшой рыбацкой деревни. Толчком к возникновению и быстрому развитию города послужило строительство Россией из стратегических соображений Китайско-Восточной железной дороги. Первая узловая станция КВЖД в Маньчжурии так и называется Сунгари или Харбин. Здесь же расположено управление

КВЖД, другие официальные представительства Советской России, генеральное консульство.

Лето. Жарко. Около Сунгари влажно. Молодая женщина едет на велосипеде. Велосипед дамский, популярной тогда марки ВС-А. Одета в модную, до колен, широкую юбку-плиссе серого цвета. Белая, без рукавов, кофточка из батиста, на голове легкая соломенная шляпа с короткими полями. Женщина совсем молодая, ей 23 года. Работает она заведующей секретно-шифровальным отделом советского Нефтяного синдиката в Харбине. И поэтому зовут ее, несмотря на молодость, по имени и отчеству – Зоей Ивановной.

Синдикат продает китайцам бензин и другие нефтепродукты. Его конкуренты – две западные фирмы, «Стандарт» и «Шелл». Зое Ивановне почему-то нравится эмблема фирмы «Шелл» – большая красивая раковина.

Вот уже год она живет в Харбине с мамой и полуторагодовалым сыном Володей. Из-за сына пришлось взять с собой и маму.

Когда крутишь педали, хорошо думается... Вспомнился Иван Андреевич Чичаев – начальник отделения в иностранном отделе ОГПУ, где перед выездом в Харбин она две недели находилась на стажировке. В 1923 году она из Смоленска переехала к мужу, который был в Москве. Она – Зоя Ивановна Казутина. В Москву приехала не просто к мужу, а по партийной путевке для работы в Педагогической академии имени И. К. Крупской (теперь это Московский государственный педагогический университет имени В. И. Ленина). Затем взяли на работу машинисткой в транспортный отдел ОГПУ на Белорусском вокзале Московско-Белорусской железной дороги (МБЖД).

В апреле 1929 года приняли в члены партии, а в августе того же года пригласили на Лубянку. На Лубянку шла волнуясь, хотя уже почти год сама была сотрудницей ОГПУ. Волнуясь, нашла в «сером» доме отдел кадров, а через час уже была в иностранном отделе. Увидев Ивана Андреевича, успокоилась.

Иван Андреевич, разливая чай, сказал:

– Садись к столу, разведчица. – И усмехнулся.

– Как вы меня назвали?

– Разведчицей.

– Я же еще девчонка... – И, смутившись, наклонила голову.

– Что девчонка, это верно, – Иван Андреевич мешал ложечкой чай в стакане и смотрел на нее внимательными и добрыми глазами. – Девчонка! – повторил он уже серьезно. – Но профессией твоей теперь будет разведка, а значит, ты разведчица. Поедешь в Харбин, – Чичаев отхлебнул чай из стакана, – для работы в Нефтяном синдикате. Синдикат, – продолжал Иван Андреевич, – это твое прикрытие, это лишь легальная возможность для твоей разведывательной работы.

И началась специальная стажировка. Пароли, отзывы, тайники, конспиративные квартиры... и другие разведывательные понятия. Стажировка бурная, захватывающая, скоротечная, как весенняя гроза.

Ехать на велосипеде становится труднее. Твердый грунт все чаще сменяется укатанным песком. Среди прохожих реже встречаются европейцы, появились рикши. Это пригород Харбина Фудзи-дзян, где живет в основном китайское население. Китайцы внешне добродушны, улыбаются и кланяются даже детям. Женщин не любят.

Зоя Ивановна остановилась и спросила у проходящего европейца нужную ей улицу. Садясь на велосипед, поморщилась от боли – правая нога ниже колена плотно забинтована. Она всего неделю как научилась ездить на велосипеде, ни в Смоленске, ни тем более в Москве ей делать этого не приходилось. А вчера она упала и сильно ободрала правую ногу. Но именно это и поможет ей выполнить задание Центра.

Вспомнила свой первый день рождения в Харбине. Положение и зарплата позволяли ей содержать домашнюю работницу. Но в Харбине эти обязанности выполняли мужчины. Был и у них с мамой домработник, которого все звали русским именем Миша. Встречая гостей, китаец Миша, обращаясь к мужчинам, постоянно говорил: «Капитано, капитане» – что значило «господин». Зое Ивановне он говорил: «Мадама-капитано, мадама-капитано...» – и это вызывало у нее усмешку.

...А вот и нужная тебе улица, мадама-капитано. Маленький домик за невысоким палисадником. Проехав мимо, Зоя Ивановна слезла с велосипеда. Огляделась. Зашла в кусты и сняла бинт. Оторвала его от засохшей раны, и снова, как вчера, появилась кровь. Щепоткой земли потерла ногу вокруг раны, спрятала в сумочку бинт, взяла велосипед и, прихрамывая, направилась к калитке того дома, мимо которого только что проехала. Вошла в палисадник, сделала несколько неуверенных шагов к крыльцу. Навстречу вышла женщина. Зоя Ивановна знала – она на семь лет старше ее.

– Господи! Что с вами?

– Упала. Простите, ради Бога, еще не умею как следует ездить.

– Больно?

– М-ы-ы-ы...

– Проходите, вот сюда. Садитесь. Я сейчас принесу теплой воды и йод. Садитесь, садитесь.

Зоя Ивановна села и увидела устремленные на нее с противоположной стороны комнаты широко открытые глаза девочки лет четырех. Девочка держала на коленях большую куклу и, не мигая, смотрела на гостью. А та улыбнулась девочке, спокойно осмотрела комнату, перевела взгляд на свою кровоточащую рану и... похолодела – к засохшему краю раны прилип маленький кусочек нитки от сорванного бинта. Как можно приветливее спросила девочку:

– Как тебя зовут?

– Маша.

– Машенька, какая у тебя красивая кукла! – А в пальцах уже крутила снятый с ноги обрывок нитки бинта.

Вошла мать Машеньки с тазикам теплой воды в руках, улыбнулась:

– Сейчас я промою вашу рану, а потом...

...А потом пили чай, по-бабьи болтали о детях, о жизни в Харбине и ни словом не обмолвились о мужьях.

Возвращалась Зоя Ивановна в центр города уже в сумерках, не домой, а на конспиративную квартиру, в дом, половину которого занимал начальник харбинской полиции. Задание выполнено – установлен хороший, дружеский контакт с женщиной, муж которой, один из руководящих советских работников в Харбине, месяц назад, бросив семью, бежал в Шанхай, прихватив с собой большую сумму казенных денег.

...А потом частые и по-настоящему дружеские встречи с матерью Маши. Ее признания в том, что совершил муж. Признания о его нелегальных приездах в Харбин для встречи с семьей. Его муки и сомнения. И наконец встреча с ним Зои Ивановны и его согласие явиться с повинной.

Зоя Ивановна и ее руководство выполнили обещание, данное матери Маши, о том, что, если ее муж явится с повинной, не будет репрессий. Деньги, которые он так «неосторожно» взял в государственной кассе, были им постепенно выплачены, и своим трудом, в том числе и на разведку, он восстановил свое доброе имя.

Вернулась из Китая в Москву, – вспоминает Зоя Ивановна, – в феврале 1932 года. Некоторое время работала начальником отделения в иностранном отделе ОПТУ в Ленинграде,

курировала Эстонию, Литву и Латвию, но недолго, всего несколько месяцев. С этого времени вся моя жизнь была связана только с Европой».

И вот Иван Андреевич идет ко мне навстречу, распахнув руки. Но почему он, а не Борис? И работает Чичаев в другом советском посольстве – при эмигрантских правительствах стран, оккупированных гитлеровцами... Значит...

Я окаменела.

И вдруг из-за колонны выходит – чур меня, чур меня! – мой муж, Борис. Нервное многодневное напряжение взорвалось, и радость встречи я обильно полила слезами, хотя всю жизнь считалась неплаксивой.

Иван Андреевич скомандовал:

– Сырость не разводить, и без того здесь хватает, и марш в машину, поедem к нам домой обедать. Ксюша мировой пирог испекла, целый месяц карточки на муку сберегала.

– Здесь тоже карточки? – спросила я.

– Да еще какие, сахар в мизерных дозах, его берегут только для детей, хлеб, молочные продукты – в общем, все, все. И мы, дипломаты, живем по карточной системе. Говорят, и короли тоже, а здесь собрались многие короли Европы – норвежский, югославский и греческий, нидерландская королева.

Вечером пытались ловить по радио Москву, но фашисты усердно забивали московское радио трещотками, звонками, барабанным боем.

– Вот она, Москва-матушка, как ее усердно забивают. Жива, стало быть, и гитлеровцы по ее улицам не гуляют, – заметил муж, пытаясь сквозь хаос визга, какофонии звуков поймать сводку Совинформбюро. Из эфира слышались отдельные слова – «продолжалось...», «оставили город...», «потери фашистских захватчиков...».

На следующее утро мы с мужем пошли в наше посольство с визитом к послу Ивану Михайловичу Майскому, которого муж хорошо знал.

СПРАВКА

МАЙСКИЙ Иван Михайлович (1884–1975) – советский историк и дипломат.

С 1929 по 1932 год И. М. Майский был Полномочным Представителем Советского Союза в Финляндии. С 1932 по 1943 год Иван Михайлович – Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Великобритании, а с 1943 по 1946 год – заместитель наркома иностранных дел Советского Союза.

В 1946 году Майский был избран действительным членом Академии наук СССР. Перу И. М. Майского принадлежат труды по истории всемирного рабочего движения, по истории Испании и книга воспоминаний.

Иван Михайлович принял нас в своем просторном кабинете. На стене большая карта Советского Союза, утыканная красными и черными флажками, обозначавшими линию фронта.

Майский расспросил меня, как прошло путешествие, очень интересовался организацией и засылкой в тыл врага наших диверсионных и разведывательных групп. Сообщил, что через день в Швецию летит английский самолет и для нас уже заказано два места, а затем с лукавинкой в голосе спросил, не хотим ли мы посмотреть живого Ллойд Джорджа?

– Как, того самого? Про кого мы в комсомольские годы сочиняли не очень вежливые частушки? Ведь он был наш злейший враг, – не удержалась я от реплики.

Майский засмеялся:

– Именно тот самый, именно был врагом. Он автор страшного для Германии Версальского договора. Он поддерживал Черчилля в его планах удушить новорожденное Советское государство в колыбели. Их замыслы не оправдались. Одно время он ориентировался на

Гитлера, как на «санитара от коммунистической заразы». Но когда Гитлер захватил почти всю Европу и ринулся на Советский Союз, Ллойд Джордж пересмотрел свои позиции. Он до сих пор возглавляет либеральную партию, выступает за открытие второго фронта и стал ярым врагом фашизма. Завтра он с супругой придет ко мне на завтрак.

Могла ли я когда-нибудь представить себя в обществе Ллойда Джорджа? Он вошел, вернее, его ввела крупная, старая, довольно красивая женщина, его жена. Ллойд Джордж невысокого роста, на розовом черепе, щеках, подбородке белые пушистые клочки волос, ноги его слушаются плохо.

Ллойд Джордж что-то говорит, я не могу разобрать даже, на каком языке, видно, у него неладит с дикцией. Его не понимает и Майский, в совершенстве владеющий английским языком. Жена Ллойда Джорджа – его многолетняя секретарша – является своеобразным переводчиком с английского на английский, только она и понимает своего супруга. Ллойд Джорджа интересует судьба Москвы – «ведь Гитлер назначил парад на Красной площади».

– На Европейском континенте только одна столица не даст себя полонить – это Москва, – категорически опровергает досужие вымыслы фашистской пропаганды советский посол. – Никогда не бывать Гитлеру в Москве, разве только в качестве военнопленного. Никак иначе!

Майский делает решительный жест рукой.

Ллойд Джордж улыбается, показывая великолепные зубные протезы под стать бело-снежным бакенбардам.

После весьма скромного завтрака посол приглашает посмотреть короткометражный фильм о Москве. На экране Кремль, часы на Спасской башне показывают 12 часов, полдень.

– Биг Бен¹³, – с удовольствием произносит Ллойд Джордж, произносит четко. Сравнивает часы на башне Кремля с часами на Вестминстерском аббатстве.

Мирная Москва, с витринами, не заваленными мешками с песком, улицы без противотанковых ежей, площади, не закамуфлированные под здания и парки, на крышах нет зенитных орудий. Милая солнечная Москва, беспечные дети, веселая молодежь, на речном трамвае молодые люди что-то поют (фильм немой), наверное, «Мы кузнецы, и дух наш молод...».

Вспомнилось, как в последний вечер мы с мужем шли по улице Горького, предъезжая почти на каждом углу ночные пропуска. Напротив Моссовета в темноте вдруг остановились, пораженные странной картиной: посередине улицы вертелись сами по себе серебристого цвета сапоги, высоко над ними поворачивался из стороны в сторону такой же серебряный шлем, а между ними четко регулировал движение транспорта блестящий жезл, самой же фигуры регулировщика не было видно. Мы догадались, что сапоги, каска и палочка покрыты какой-то краской, которая серебрится под синим светом ламп. Очевидно, этот камуфляж страховал регулировщика от наезда машин. В других районах столицы мы такого не видели.

Фильм закончился широкой, раздольной песней Лидии Руслановой. Ллойд Джордж был восхищен.

– Так, значит, немцев в Москве нет! Я очень рад слышать это.

– Есть, есть немцы в Москве – Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт, Бертольд Брехт, Анна Зегерс, – сказал Майский.

Ллойд Джордж рассмеялся и крепко потряс руку посла.

Прощаясь с Борисом Аркадьевичем, Ллойд Джордж спросил:

– Вы впервые в Лондоне?

– Да.

– Вам интересно, наверное, побывать в парламенте, – подхватил Майский. – Давайте попросим мистера Ллойда Джорджа получить туда пропуск.

¹³ Биг Бен – главные часы Лондона.

– О, я был бы весьма признателен, – откликнулся Рыбкин.

Проводив Ллойд Джорджа, Майский сказал:

– В парламенте сейчас происходят непривычные для нас вещи. Всерьез обсуждался, например, вопрос – можно ли приравнять командиров воздушных кораблей к морякам и разрешить им курить трубку.

– А на днях, – добавила жена Майского, – был депутатский запрос насчет дамских чулок. Их нет в продаже, а ходить на работу с голыми ногами считается неприличным. Нашли выход. В дамских парикмахерских на ногах рисуют чулки – шов, пятку и даже штопку.

Бориса Аркадьевича сопровождал в парламент сын Ллойд Джорджа и по пути рассказывал занятную историю. В парламенте шла горячая дискуссия – что делать со шпагой на статуе Ричарда Львиное Сердце, надломленной осколком снаряда. Следует ли реставрировать эту шпагу или оставить «в назидание потомству». Спор был жестокий. Сын Ллойд Джорджа высказался так: «Ричард был король драчливый. Он постоянно с кем-то воевал и почти всю жизнь прожил вне Англии. Но король есть король, и памятник ему должен быть таким, каким задуман». Добавлю к этому одно: недавно я видела памятник королю Ричарду Львиное Сердце по телевизору. Шпага в его руке выпрямлена. Англичане верны себе. Традиция превыше всего.

Борис Аркадьевич до моего приезда успел ознакомиться с Лондоном, а так как у нас оставались только сутки, то мы решили, что он будет моим гидом и покажет мне самое-самое. Но этого «самого» оказалось весьма много.

Что меня потрясло – это почти начисто уничтоженные фашистскими бомбардировщиками целые районы. Невольно подумалось о Москве, которую гитлеровская авиация бомбила каждый вечер. Таких бомбежек мы успели пережить множество, но Москва не была разрушена. ПВО была на высоте.

А вот английские газеты пишут, что осенью 1940 года в течение двух месяцев фашисты методично с десяти вечера до семи утра бомбили британскую столицу. За ночь налетало по 300–500 бомбардировщиков. Было уничтожено и основательно повреждено более миллиона домов и коттеджей. Из-под развалин извлечено 50 тысяч трупов. Раненых не считали. Последний массированный удар гитлеровцы нанесли Лондону в мае 1941 года.

Мы ехали через восточный район Лондона – Ист-Энд. Поразил нищенский вид кварталов, узеньких улочек, поперек которых были протянуты веревки, и на них сушилось рваное белье. По улицам текли мутные потоки. Оборванные ребятишки возились в грязи. Ни деревца, ни зеленого кустика, низкие серые домишки перемежались с развалинами.

Желтый смрадный воздух становился все гуще, и дальше десяти-двадцати метров ничего уже не было видно.

В метро спустились по эскалатору. Стены оклеены яркими довоенными рекламными плакатами. Когда вышли на перрон, были потрясены: вдоль всей платформы тянулись в три яруса нары, сбитые из досок. Для пассажиров оставалась узкая полоса по краю платформы. На нарах люди лежали, сидели, спали, читали, играли в карты. Много женщин с малолетними детьми. Под головой у каждого на нарах большой узел с домашним скарбом. Иные прикрыты «одеялами», сшитыми из четырех номеров газеты «Таймс», каждый номер страниц двадцать, не менее. Удушливый запах, мусор, слабо освещенные платформы являли собой жуткое зрелище. Я невольно подумала о нашем московском метро, в котором даже в дни войны было тепло, чисто и светло...

Хайгетское кладбище походило на огромный город. Широкие проспекты, улицы, переулки, тупики. На центральных проспектах тяжелые гранитные склепы, кружевные мраморные часовни, острокрылые ангелы и высеченные из мрамора скульптурные портреты усопших.

В длинном ряду маленьких мраморных и гранитных плит, тесно уложенных друг к другу, Борис Аркадьевич разыскал могилу Карла Маркса. На седой гранитной плите было высечено:

*Здесь покоится Женни Маркс
1814–1881
Карл Маркс
5.5.18–14.3.83
Анри Лонге
Елена Демут*

Никакого памятника. Только серая плита в рамке желтого гравия на месте последнего пристанища любимой жены Женни, самого Карла Маркса, внука и служанки – друга семьи.

... Через несколько дней на самолете ночью – в Швецию. Обрядили меня в комбинезон, нацепили парашют, лайфджекет (спасательный жилет) с лампочкой и свистком. Удивилась свистку. «Отпугивать акул в Северном море, если попадете в воду», – отшутилась служащая аэродрома. Тьма... Гул мотора – говорить невозможно. Иллюминаторы в самолете плотно зашторены. Летели час, два. Муж, как я понимаю, сладко спит. Осторожно отодвигаю уголок материи. Делаю щелочку – тьма... тьма... Еще часа два полета, и вдруг стюард раскрывает шторы на иллюминаторах. Сквозь круглые оконца видны блестящие пунктиры. Под нами Швеция. Она не затемнена. Пролетаем над поселками, городами. Опускаемся на аэродроме.

Летели через Северное море шесть часов.

НЕБОЛЬШОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

(Рассказывает полковник Э. Я. Шарапов)

Люди, поверхностно знавшие Зою Ивановну Воскресенскую, говорили, а некоторые даже утверждали, что она когда-то, где-то была на нелегальной работе. В качестве «нелегала» в действительности она никогда и нигде не работала. Но в народе бытует старая пословица: «Огня без дыма не бывает». Так вот в данном случае, как я уже сказал, огня вообще не было, а дым появился потому, что Зоя Ивановна готовилась к работе на нелегальном положении, но по ряду причин на эту работу не попала.

Расскажу об атом поподробнее и по порядку.

В 1932 году Зоя Ивановна приехала в Германию. Весь 1932 год она провела в Берлине. Цель ее поездки состояла в том, чтобы изучить в совершенстве немецкий язык. Жила в пансионате «Мадам Роза» на Унтер-ден-Линден и на частной квартире у профессора музыки фрау Альбины Шульц. Воочию видела забастовки, которые в это время происходили в Берлине. Когда забастовали водопроводчики, ей и ее квартирной хозяйке приходилось умываться, готовить еду и пить кофе из воды, которую они предварительно запасли прямо в ванной. В Берлине находилась официально как жена беспартийного специалиста. Из Берлина в том же 1932 году и в начале 1933 года несколько раз ездила в Австрию с целью ознакомления с обстановкой в этой стране и изучения австрийского диалекта немецкой речи.

Уже будучи больным человеком, практически прикованным к постели болезнью, она неоднократно вспоминала время, проведенное в Берлине в том далеком, но памятном 1932 году. Когда ей потребовалось продлить визу пребывания в Берлине, она первоначально решила сделать это путем имитации болезни. Но врачи, как вспоминает Зоя Ивановна, будто назло, ничего не нашли. Она болезненно усмехается: «Теперь бы они на меня посмотрели».

Перед поездкой в Берлин Зоя Ивановна несколько месяцев провела в Латвии. Там тоже изучала обстановку, привыкала к заграничной жизни. Было ясно, что руководство намерено использовать ее для выполнения какого-то особого задания.

И вот однажды ее вызвало высокое начальство.

– Поедете в Женеву по соответствующей легенде. Там познакомитесь с генералом Х, который работает в генеральном штабе и тесно сотрудничает с немцами. Станете его любовницей. Нам нужны секретные сведения о его работе и о намерениях Германии в отношении Франции и Швейцарии. Вам понятно?

– Да, понятно. А обязательно становиться генеральской любовницей, без этого нельзя?

– Нет, нельзя. Без этого невозможно выполнить задание.

– Хорошо. Я поеду в Женеву, стану генеральской любовницей, раз без этого нельзя, выполню задание, а потом застрелюсь.

Вспомнив об этом и рассказав, Зоя Ивановна молчит.

– И что же потом? – спрашиваю я нетерпеливо.

– Потом?! Потом задание отменили. «Вы нам нужны еще живой», – констатировало начальство.

Так закончилась ее первая попытка перейти на нелегальное положение в разведывательной работе.

– А уже во второй половине тысяча девятьсот тридцать третьего года, – продолжает свой рассказ Зоя Ивановна, – я была в Австрии. Жила в Вене в гостинице около Гедехнискирхе (памятник-церковь). Там, в Австрии, я должна была выйти замуж.

– Как это замуж?! – удивляюсь я.

– Фиктивно, конечно. С первым мужем по фамилии Казутин я разошлась еще до поездки в Китай, а с Борисам Аркадьевичем познакомилась позднее, уже в Хельсинки, куда он приехал в тысяча девятьсот тридцать шестом году.

– Так вот, – рассказывает дальше Зоя Ивановна, – была у меня легенда: в Риге получить латвийский паспорт, затем в Австрии выйти замуж. Поехать с мужем в Турцию и по дороге поссориться. После этого муж должен уехать, а мне предлагалось остаться в Турции и открыть там свой салон мод. Таким образом, должна была состояться моя нелегальная работа в разведке. Но и вторая попытка кончилась безуспешно. До Вены-то я доехала, а замужество, хоть и фиктивное, не состоялось. Жених не приехал, – вновь заразительно смеется Зоя Ивановна.

В разведывательной жизни Зои Ивановны было много и курьезных случаев, почти во всех странах, где она находилась по работе: Китай, Финляндия, Швеция.

Вот что по ее рассказам осталось в моей памяти.

Лето. Лесистая местность близ Хельсинки. Северные низкорослые хвойные деревья, среди которых прогуливаются две молодые женщины в летних безрукавных платьях. Одна из них европейка, другая японка. Беседуют, отмахиваясь сосновыми веточками от комаров. Одна из них Зоя Ивановна, другая ее агент – жена японского дипломата, работающего в Финляндии.

Вечером того же дня прием в президентском дворце. В гардеробной комнате женщины приводят себя в порядок. Недалеко от себя Зоя Ивановна увидела своего агента. Она была в бальном, глубоко декольтированном платье, а шея и руки у нее были ярко-красные, вспухшие от укусов комаров. Зоя Ивановна посмотрела на себя в зеркало и ужаснулась. Быстро накинула на себя накидку, а муж отвез ее домой». Вернувшись во дворец, Кин сказал, что его жена неожиданно почувствовала себя плохо. Потом он рассказывал, что многие женщины обращали внимание на жену японского дипломата, а та объясняла мужу и его коллегам, что ездила днем на дачу поливать цветы, где ее и укусили комары.

«А если бы мы обе были в таком виде, что можно подумать? – задает Зоя Ивановна сама себе вопрос. – Никогда не знала, что комары могут служить в контрразведке. Вообще-то в этой Финляндии, – смеется Зоя Ивановна, – климат не совсем подходящий для разведы-

вательной работы, особенно летом. Однако, – продолжает Зоя Ивановна, – бывают случаи и посмешнее. Разведка – это жизнь, а в жизни всякое бывает».

День выдался морозный и солнечный. Воскресенье. На Садовом Усолье Москвы многолюдно. Зима 1935 года принесла много хлопот дворникам. Снег не успевают убирать даже на основных магистралях столицы. Автобусы сбиваются с графика.

На остановке в автобус маршрута 16 вошла высокая, стройная женщина. Подошла к кондуктору. Поискала в сумке-муфте разменные монеты, смущенно улыбнулась, что-то сказала кондуктору. Достала бумажные деньги, громко сказала: «Товарищи! Кто может разменять рубль?»

Пожатие плечами, молчание, еле слышное: «У меня нет».

Женщина более твердо повторила свой вопрос: «Кто может разменять деньги?». И совсем робко: «Что же мне делать?»

Со своего места поднялся рослый мужчина в шапке-пирожке из серого каракуля, протянул кондукторше пятнадцать копеек и, получив от нее билет, протянул его женщине:

– Возьмите!

– Спасибо большое, спасибо. Как я верну вам эти деньги?

– Когда-нибудь вернете, – мужчина с интересом смотрел на молодую, интересную женщину.

– Скажите, пожалуйста, ваш адрес.

– Зачем вам мой адрес?

– Я пришлю вам деньги. Говорите, а то мне скоро выходить.

– Скажите лучше вы – как вас зовут?

– Зоя Ивановна, – ответила женщина и кокетливо улыбнулась.

Мужчина еще внимательнее посмотрел на случайную спутницу.

– Зоя Ивановна, – повторил он, – а Зоенька нельзя?

Зоя Ивановна сурово посмотрела на своего собеседника, смирив его с ног до головы строгим взглядом:

– Вам нельзя. – И вышла в отрывшиеся двери автобуса.

Прошло три года. В Финляндии советское представительство «Интуриста» возглавляет Зоя Ивановна Рыбкина. Работа в «Интуристе» в Хельсинки дает ей легальную возможность проводить разведывательную работу. Вместе с выполнением других заданий в ее разведывательные обязанности входит поддержание связи с нашими нелегальными сотрудниками.

Парк на окраине Хельсинки. Низкорослые сосны, огромные, будто декоративные валуны, оставшиеся здесь от ледникового периода, чисто убранные дорожки. Зоя Ивановна не спеша идет в глубь парка. В руках небольшой тяжелый чемоданчик, который сейчас называют атташе-кейсом». Дышится легко, воздух чистый и свежий. А вот и одинокая скамейка под невысокой, но размашистой сосной. Здесь она должна ждать человека, который придет к ней на встречу. Они не знакомы. Известно только, что это должен быть мужчина, который свяжется с ней по паролю: «Вы позволите отдохнуть мне рядом с вами?»

В пароле каждое слово имеет свое значение. Не просто смысл фразы, подобранной к определенной ситуации встречи, но и особая расстановка слов. Ведь обычный человек, просто случайный прохожий наверняка скажет: «Позвольте мне отдохнуть, а этот мужчина должен сказать: «Вы позволите отдохнуть мне...» На это она должна ответить отзывом: «Пожалуйста, садитесь, но я больше предпочитаю одиночество».

Порыв ветра прошумел в сосновых ветвях, осыпал на дорожку сосновые иглы и затих за соседним валуном. Зоя Ивановна даже не заметила, с какой стороны перед скамейкой появился высокий плотный мужчина. Он молча сел рядом, внимательно посмотрел на нее.

«Кто это?! – подумала она и внутренне насторожилась. – Почему он молчит?»

Мужчина еще раз пристально посмотрел на нее и, уже усмехаясь, сказал:

– Хорошо отдохнуть рядом с вами.

«Что это? Только часть пароля! Может быть, это провокатор? Нет, не похож на провокатора». А вслух как можно строже сказала:

– Что вам угодно?

– Вы позволите отдохнуть мне рядом с вами?

– Пожалуйста, садитесь, но я больше предпочитаю одиночество, – назидательно добавила: – Почему вы перепутали пароль?

– Ничего я не перепутал. Просто увидел симпатичную женщину и решил пошутить.

– Нашли место для шуток, – Зоя Ивановна пододвинула к мужчине чемоданчик: – Это деньги для вас, проверьте сумму.

Мужчина положил чемоданчик на колени, открыл его, посмотрел на пачки запечатанных долларовых купюр и со вздохом сказал:

– Здесь не вся сумма.

– Как не вся?! – Зоя Ивановна встрепелулась. – Что получили из Центра, то полностью передаем вам.

– Нет, – спокойно сказал мужчина, но в глазах его бегали чертики, – здесь не хватает пятнадцати копеек.

– Каких еще пятнадцати копеек?!

– Тех самых пятнадцати копеек, которые вы должны мне, Зоенька!

Неожиданно услышав свое имя, да еще произнесенное ласково, с расстановкой и издевкой, Зоя Ивановна моментально вспомнила заснеженную Москву 1935 года, автобус и мужчину, купившего ей билет за пятнадцать копеек.

Тугой комок подступил к горлу. Хотелось броситься на шею этому человеку, который вдруг стал таким родным и близким.

– Что же мне делать, – чуть не плача, сказала она, – у меня опять нет пятнадцати копеек.

– Вот и такие бывают встречи, – вздыхает Зоя Ивановна и продолжает рассказывать.

В резидентуру в Хельсинки, где я в то время работала заместителем резидента, поступила зашифрованная телеграмма, которая предписывала лично мне выехать в Стокгольм и там провести встречу с агентом, которого я раньше не знала. В телеграмме указывались пароль, опознавательные знаки агента, время и место встречи – у памятника Карлу XII, и тут же – повторяем: у памятника Карлу XIII.

Я перечитала еще раз шифротелеграмму и с досадой вздохнула – так у памятника Карлу XII или Карлу XIII? Запрашивать Москву некогда, и есть ли памятник Карлу XIII? Ведь всем известен шведский король Карл XII.

Приехав в Стокгольм, я некоторое время уделила специальной проверке и поспешила в сквер. Вот он памятник Карлу XII. Стоит в полушубке, показывает шпагой на восток, откуда, мол, грозит опасность. Погода хорошая, солнечная. Вокруг памятника скамейки, сидят люди. Почти все мужчины читают шведскую газету «Стокгольмс Тиднанген» (как в шифротелеграмме), но ни у кого не торчит из кармана немецкая газета (как должно быть). Подошло назначенное время для встречи, а нужного человека нет. Я сделала несколько кругов около памятника Карлу XII, чтобы посмотреть еще раз внимательно на мужчин, не привлекая чужого внимания. И вдруг, о ужас! передо мной стоит памятник Карлу XIII в том же сквере метрах в трехстах от памятника Карлу XII. Придя в себя, я присаживаюсь на скамейку у памятника Карлу XIII. Но и здесь никого, кто бы читал шведскую газету, а из кармана торчала бы немецкая газета. Я вновь устремила к памятнику Карлу XII. Никого. Затем вновь к памятнику Карлу XIII. Тоже никого. И так целых полчаса с камнем на сердце и со свинцовыми ногами от памятника к памятнику.

Возвратясь в гостиницу, я как после тяжелой, непосильной физической работы повалилась на кровать. Вечером контрольная встреча. Опять я меряю шагами расстояние от памят-

ника Карлу XII до памятника Карлу XIII. Вновь внимательно осматриваю глазами газеты в карманах и в руках мужчин. Опять нет нужного человека.

А впереди у меня была бессонная ночь, ночь тревоги – задание сорвано, ночь самобичевания, Утром я еду в стокгольмскую резидентуру, чтобы признаться в своей плохой работе. А в резидентуре меня ждет новая шифротелеграмма: «Задание отменяется. Агент не придет. Возвращайтесь в Гельсингфорс».

– Обидно, – говорит Зоя Ивановна, – но зато какой урок!

Что касается уроков, то Зоя Ивановна всегда самым положительным образом относилась к воспитанию молодежи, которая посвятила себя работе в разведке. Зоя Ивановна всегда подчеркивала, что мелочей в работе разведчика никогда не бывает. Каждая деталь может при определенных условиях сыграть главную роль. Она не уставала повторять: забвение мелочей может на практике привести к роковым последствиям, в особенности при организации связи с агентурой. Много раз она вспоминала о своей, как она считала, неудачной встрече с женой японского дипломата в предместье Хельсинки и о комарах, о которых читатель уже знает и которые, оказывается, тоже могут служить на пользу контрразведке.

Зоя Ивановна рассказывала, что несколько лет ей пришлось работать с нашим нелегалом Павло, выведенным в свое время за кордон и внедренным в Провод ОУНа, Это был преданный нашему, как она любила говорить, делу и Родине человек. Умный, осторожный, обладающий быстрой реакцией. Но у него был один недостаток: он мог забыть час, назначенное место встречи, перепутать день, опознавательный знак, сигнализацию.

Однажды он поехал по делам ОУН в Берлин. Мог задержаться там на несколько недель. Нужно было договориться с ним о способах связи после его возвращения, но его забывчивость... И чтобы он не мог перепутать место и время встречи, Зоя Ивановна предложила ему следующее,

– У тебя, – сказала она ему, – кличка Павло, которую ты, надеюсь, помнишь. Начинается она с буквы «П», а в ней пять букв. Запомни пять «П» – понедельник, пятница, пять часов, Пакенхюля (название улицы на окраине Гельсингфорса), правая сторона. Кроме того, ты всегда ходишь с палкой. Если палка у тебя будет к моменту встречи в правой руке, то это значит все в порядке. Если в левой, то это сигнал тревоги и, значит, встреча отменяется.

– Запомни, – наставляла Зоя Ивановна, – Павло, все на «П», и встреча после твоего возвращения состоится в ближайшую пятницу или понедельник.

Вернулся Павло из Берлина месяца через два. Пришел на встречу вовремя и в назначенное место, да еще с хорошими результатами.

Опираясь на палку правой рукой. Когда Зоя Ивановна встретила с ним, он спросил ее – заметила ли она, какой у него был победный вид. С тех пор Павло больше не путал условия связи.

Говоря о подготовке молодежи к разведывательной работе, Зоя Ивановна всегда акцентировала внимание на детальное, четкое знание иностранного языка, на котором разведчику предстоит работать за рубежом, и приводила по этому поводу такой пример.

После оккупации гитлеровцами Чехословакии на связь с нашим агентом в Прагу был послан сотрудник немецкого отдела Центра капитан Леонтьев. От агента, к которому на встречу был направлен Леонтьев, Центр ожидал важную информацию по Германии, в частности, о ведущейся там подготовке к военным действиям против Советского Союза. Но через несколько дней от Леонтьева неожиданно пришла зашифрованная радиграмма: «Был по указанному адресу, но в дом нет входа». Начальник отдела П. М. Журавлев послал ему ответную радиграмму примерно следующего содержания: «По нашим предположениям, дом без дверей не бывает, сообщите подробности и повторите адрес и номер дома», Леонтьев ответил: «Адрес такой-то, дом номер такой-то, но на закрытых воротах надпись на чешском языке: «Входа нет». И снова из Центра к неудачливому разведчику идет сообщение о

том, что, мол, указанная Вами надпись на воротах означает: «Прохода через двор нет, а вход должен быть нормальный».

И еще один пример необходимой осторожности и аккуратности при соблюдении конспирации в разведывательной работе.

— Летом в Финляндии, — рассказывает Зоя Ивановна, — встретила я с агентом в лесу. Мы сели с ним на пеньки и стали разговаривать. Неожиданно пошел дождь. Но мы оба были в плащах и поэтому продолжали наш разговор. Дождь вскоре прекратился. Пора было расходиться — ему в одну сторону, мне в другую. Я посмотрела ему вслед и увидела, что на спине у него часть плаща сухая и светлая, а часть — мокрая и темная. Догнала его и велела сесть на мокрую траву, чтобы намочила и нижняя часть плаща, иначе за три версты видно, что он в лесу где-то сидел. Посмотрела на свой плащ — та же картина. Пришлось и мне в буквальном смысле слова сесть в лужу. Посмотрела на свой плащ — все в порядке, теперь можно было спокойно разойтись.

Зоя Ивановна задумалась. Снова заговорила о конспирации, о том, какую важную роль она играет в разведывательной работе.

— А дети? — спросила она и посмотрела на меня внимательно.

— Что дети? — не понял я.

— Роль детей в вопросе все той же конспирации. Их поведение может одним махом перечеркнуть все усилия родителей в конспирации. Если хочешь, я расскажу тебе два примера на эту тему.

Сотрудник ИНО Брокман был командирован на работу в Берлин. Было это еще до гитлеровского переворота в Германии. С ним поехали жена и два сына, мальчишки лет по десять-двенадцать. Как-то он пошел с семьей гулять по городу. Ребята увидели в витрине магазина велосипеда. Пристали они к отцу. Родители стали объяснять, что пока на такую покупку у них нет денег, придет время — купят. Мальчишки пристали как с ножом к горлу, никакие объяснения и уговоры не помогали.

— Если ты не купишь, я начну кричать, что ты работаешь в ГПУ, — пригрозил старший.

Придя домой, Брокманы в первый и, наверное, в последний раз выпорол сына, чтобы тот навсегда забыл, что его отец работает в ОГПУ.

— А мой сын, — улыбается Зоя Ивановна. — Я работала, как ты знаешь, начинала свою разведывательную работу в Харбине. Поехала туда с мамой и сыном, которому было около пяти лет. Однажды мы пошли с ним в парикмахерскую. Я сидела в женском отделении, а его за занавеской стригли в мужском отделении. Слышу — какой-то мужской голос спрашивает:

— Мальчик, ты чей?

— Мамин.

— А кто твоя мама?

И маленький Володя вдруг говорит:

— Моя мама больше не коммунистка, а папа коммунист, поэтому он остался в Москве.

Я с закрутками на голове зашла за занавеску. Какой-то мужчина стоит рядом с парикмахером, который стрижет моего сына. Увидев меня, он сказал с масляной улыбкой на лице: «У вас, мадам, прелестный мальчик». Затем поклонился в мою сторону: «Разрешите представиться — профессор Устрялов». Это был известный в Харбине белоэмигрант, сотрудник газеты «Смена вехи».

После моего возвращения из Китая в Москву в 1934 году я попросила направить меня на работу в Ленинград, потому что там с квартирами было легче, чем в Москве. К тому же мне хотелось заняться по-настоящему оперативной работой, а в Москве я боялась, что меня могут посадить на какую-нибудь канцелярскую работу. Ну вот, я поехала в Ленинград. Тогда начальником ИНО был Слуцкий, который и согласился направить меня на работу в Ленинград. Начальником ИНО в Ленинграде в то время был некто Молотковский. Молотковскому

я не понравилась, думаю, потому, что мне в ту пору не было еще и двадцати пяти лет. Ну, в общем, девчонка, хотя я уже два года проработала в Китае. Но вскоре Молотковского отозвали, и на его место в качестве начальника ленинградского ИНО приехал А. Я. Федоров. Да, тот самый Федоров, который значительно позднее стал известен по делу «Трест» как его организатор и разработчик.

С Федоровым у меня был хороший контакт. Федоров вообще был исключительный человек. Очень интересный и содержательный. Естественно, он нам, его сотрудникам, ничего не рассказывал о деле Савинкова. Мы об этом не имели никакого понятия. Это все было строго засекречено? Очень мало кто знал о таких операциях. Очень узкий круг лиц. И это правильно. Иначе такая широкая гласность в разведке может уничтожить саму разведку. Поэтому здесь надо быть очень осторожным.

Во время службы в Ленинграде Федоров и его заместитель Адамович готовили меня для разведывательной работы в Финляндии, потому что Финляндия была соседом Ленинградской области. И во второй половине 1935 года я действительно уехала в Хельсинки в качестве представителя Интуриста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.